

РАЗВЛЕЧЕНИЕ

ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ
съ карикатурами.
ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

Въ Москвѣ безъ доставки. . . 3 р. 50 к. с.

— С.-Петербургѣ безъ доставки. 4 » —

Съ пересылкою во всѣ города. 5 » —

За доставку на домъ въ Москвѣ прилагается 1 р. с.

Адресъ: въ Москвѣ, близъ Харитония въ Огородни-
кахъ, на Покровкѣ, въ Машковомъ пер., въ д. Миллера.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ

Повѣсть.

Memento mori!

I

— Доброта, какъ и простота—хуже воровства! это говорить одинъ мой знакомый, отчаянный прогрессистъ и отъявленный политico-экономистъ, и потомъ горячо прибавляется: въ настоящее дѣловое время, время сухаго материализма, а не добродушной и мягкосердечной распущенности, вовсе не слѣдуетъ быть добрымъ человѣкомъ, потому что доброго человѣка, какъ ломовую клячу, запрягаютъ въ бочку и воятъ на немъ воду.

Парадоксальность такого заключенія ясно видна изъ того, что Николай Антоновичъ Щетинъ былъ хотя и добрый человѣкъ, но никто не видывалъ его въ по-

добномъ ярмъ, исполняющаго черную работу скотовъ. Можетъ быть, чортъ втихомолку совершалъ съ нимъ такую скверную продѣлку? На это, впрочемъ, ясныхъ доказательствъ нѣть; стало быть, о подобномъ казусѣ и упоминать не слѣдуетъ. Напротивъ, въ-очью совершилось лишь такое обстоятельство, что самъ Николай Антоновичъ всегда разъѣзжалъ въ щегольскихъ экипажахъ и на дорогихъ кровныхъ коняхъ. Какъ бы то ни было, но дѣло въ томъ, что въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ лишь стоило произнести: «Николай Антоновичъ»—и со всѣхъ сторонъ непремѣнно слышался прибавочный эпитетъ: «добрый человѣкъ». Такая завидная репутація не могла сложиться безпричинно. Конечно: ревность къ храму божію, милостыня, состраданіе, честность и цѣломудріе — всѣхъ этихъ качествъ, кажется, весьма достаточно, чтобы заслужить отъ толпы название *добраю человѣка*. По причинѣ Николая Антоновича, надъ его прахомъ было прочитано два медоточивыхъ панегирика, въ которыхъ, въ ущербъ мысли и сущности дѣла, насиливало слухъ великое обиліе громкихъ словъ. Въ настоящее время духъ Николая Антоновича еще витаетъ между нами и, вѣроятно, долго-долго еще будетъ витать, возрождаясь въ тѣхъ лигностяхъ, которыя, увлеченныя соблазнительнымъ примѣромъ, будутъ подражать *похвальному* дѣяніямъ Щетина, а потому нѣть силъ удержаться, чтобы не почтить справедливымъ сказаниемъ память доблестнаго мужа.

Николай Антоновичъ Щетинъ былъ миллионеръ купецъ-фабrikантъ. Денегъ, говорять, у него куры не клевали, о чёмъ, безъ сомнѣнія, никто не будетъ и спорить. По причинѣ огромнаго богатства, гордаго тщеславія и какой-то особенной неприступной самости, мѣстные жители называли Щетина *князькомъ*. Впрочемъ, нѣкоторые, только очень-очень немногіе, злорѣчивые люди иногда втихомолку болтали кое-что не доброе про багатство *князька*, что будто бы оно нажито не совсѣмъ-то честно. Такое заключеніе они основывали, кроме пресловутой пословицы, что дескать «отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палать каменныхъ», еще на слѣдующемъ фактѣ: кто бы ни зашелъ съ «добрымъ человѣкомъ» коммерческія сношенія, непремѣнно оставался ни причемъ, почти принужденъ бывалъ идти по міру, потому что Николай Антоновичъ *своей добротой* какъ-то особенно умѣль привлечь къ себѣ каждого. Иные же люди, люди сладкорѣчивые, часто обѣдая у Николая Антоновича по случаю поминовеній и прочихъ семейныхъ торжествъ, чуть заходила рѣчь про багатство *князька*, всегда съ умиленіемъ произносили: «доброму человѣку» Господь невидимо посыпаетъ! и вдохновясь этой святой истиной,

насыщались за купеческой обильной трапезой всѣми питіями и яствами. Въ силу этого обстоятельства, досужие ротозѣи подмѣчали какъ-то тайкомъ, что крытые экипажи Николая Антоновича тщательно развозили, куда слѣдуетъ, какіе-то тѣлеса. Но кто-жъ повѣригъ на слово какимъ нибудь ротозѣямъ?

Такимъ образомъ, сравнительно громкое общественное мнѣніе было весьма благопріятно для Николая Антоновича, относительно того, какъ имъ нажито богатство, тѣмъ болѣе благопріятно, что всевозможныя надувательства считаются собратами Щетина по званію обыкновенными средствами денежной паживы — понятіе, изстари присущее этому сословію. Чго говорить: самъ плохъ — не дастъ Богъ! Слѣдовательно, репутація *добраю человѣка* нисколько не могла пострадать оттого, что онъ не отступалъ отъ общепринятыхъ правилъ и что даже, можетъ быть, слишкомъ увлекался ими, а, напротивъ, это-то самое приносило ему еще большую честь и вящую славу, какъ признакъ его ловкой оборотливости въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ самая малѣйшая, по мнѣнію людей его сословія, добросовѣстность неминуемо влечетъ за собой неуспѣхъ и убытокъ.

Въ своемъ семействѣ Николай Антоновичъ почитался ничуть не менѣе великаго Могола: не только справедливое его требованіе, на каждая его прихоть, каждый капризъ исполнялись семейными немедленно и безпрекословно; никто даже взглядомъ не смѣлъ выразить неудовольствіе на его непреклонную волю; предъ нимъ его семейные стушевывались до совершенной безличности, ихъ мысли, слова и дѣянія, словомъ — все ихъ существованіе приносилось ему въ жертву. Онъ былъ хозяиномъ въ дому. Семейство Щетина состояло изъ слѣдующихъ членовъ: матери-старухи, жены — заплывшій жиромъ бабы и трехъ дочерей. На имя матери вносился купеческій гильдейскій капиталъ и отъ ея имени производились всѣ фабричныя и торговыя дѣла Щетинъ. Въ этомъ отношеніи, простая, безграмотная старуха, съ трудомъ умѣвшая сосчитать десять по пальцамъ, столько же имѣла вліянія на коммерческія дѣла своей фирмы, сколько самъ Николай Антоновичъ имѣлъ вліянія на дѣла японскаго тіума. Но Щетину сыну вовсе и не нужно было никакихъ распоряженій матери вообще по всѣмъ *его* дѣламъ, а ему нужно было только ея имя, прикрываясь которымъ, онъ могъ способнѣе и безответнѣе обдѣлывать всевозможные коммерческіе ловкіе фокусы. Къ тому же, не внося отъ своего имени купеческаго гильдейскаго капитала и числясь только купеческимъ сыномъ, Николай Антоновичъ этимъ отстранилъ себя отъ выборовъ въ общественные должности,

что считается вупцами за великое счастье, потому что съ каждой должностю сопряжены немалые расходы, хлопоты, сношения съ чиновнымъ міромъ, (чего Боже упаси!) Все это Николай Антоновичъ, какъ человѣкъ себѣ на-умѣ, обдумаля и распорядился весьма благоразумно, пріютивъ себя отъ всѣхъ коммерческихъ и служебныхъ неизгодъ подъ крыльышко родимой матушки, и такимъ образомъ, до старости лѣтъ спокойно прожилъ безличнымъ и безкредитнымъ купеческимъ сыномъ, ворочая миллионными оборотами и обѣгоривая да облопошивая самостоятельныхъ коммерческихъ людей. Только по смерти старухи пришлось Щепину лѣтъ восемь или девять платить гильдейскій капиталъ отъ своего имени, но тогда уже ему перевалило за шестьдесятъ лѣтъ, капиталъ его возросъ до огромной цифры, надувательно-коммерческая горячка постыла и онъ самъ какъ будто окрѣпъ въ почетѣ: ему уже стало все не страшно дѣйствовать во всѣхъ дѣлахъ отъ своего собственнаго имени.

Въ отношеніи своей жены, Николай Антоновичъ былъ нѣсколько похожъ на турка—не по ревности, не по стѣсненію ея свободы, а по требованію безусловнаго себѣ повиновенія и по супружеской связи съ ней, безъ малѣйшаго участія сердечнаго чувства. Онъ считалъ жену своей неотъемлемой принадлежностью—безъ личности, и безъ желаній, безъ самостоятельности, а потому во всякое время распоряжался ю по собственному произволу, не обращая на нее почти никакого вниманія, какъ на разумное или, по крайней мѣрѣ, словесное существо. Въ первые годы супружества Николай Антоновичъ жилъ съ своей женой еще мало-мальски порядочно: ъздилъ вмѣстѣ съ ней въ церковь, въ гости, удосконалъ ее словами двумя тремя за чаемъ или за обѣдомъ и иногда даже шутить съ ней, то есть насмѣхался надъ нею. Въ это счастливое время и родились у нихъ три дочери, въ слѣдствіе чего, жена Щетина стала походить на пахощившуюся насѣдку съ циплятами, что было очень неказисто, а потому супругъ ея все больше и больше отдался отъ нея. Впрочемъ, должно откровенно признаться, что Николай Антоновичъ все-таки считалъ свою жену, весьма полезной для домашняго обихода: солить огурцы, рыбу, квасить капусту, варить варенье, отваривать грибы и присмотрѣть за хозяйствомъ ни на кого нельзя было лучше положиться, какъ на нее. Довѣрь все это чужому человѣку—сейчасъ ушербъ въ экономіи. По этому, Николай Антоновичъ давалъ въ одномъ случаѣ поблажку своей женѣ, то есть сквозь пальцы смотрѣлъ на чрезмѣрное употребленіе ю наливкою и настоекъ.

Въ отношеніи же своихъ дочерей, Николай Анто-

вичъ былъ отцомъ хорошимъ, какъ говорили со стороны, то есть не допускалъ коснуться до нихъ ни малѣйшей заботы о своемъ туалетѣ и о прочихъ житейскихъ потребностяхъ. Притомъ же, для двухъ своихъ дочерей, старшей и средней, онъ пріискалъ очень выгодныя, даже блестящія по богатству партіи и выдалъ ихъ замужъ, разумѣется, не спрашивая на это ихъ согласія; но къ сожалѣнію, года черезъ три-четыре послѣ замужства онъ зачахли и померли. Безъ сомнѣнія, никто не проникъ въ глубь этого факта; все только соболѣзновали о «добромъ отцѣ», такъ прекрасно выдавшемъ было замужъ своихъ дочерей, на счастіе которыхъ, однако, Богъ не привелъ ему долго радоваться, почему многіе и утѣшали его слѣдующими словами: «что дѣлать? На то была воля божья!» Впрочемъ, Николай Антоновичъ смутно чувствовалъ, что онъ, хотя въ первый разъ въ жизни, а какъ будто ошибся нѣсколько въ своихъ расчетахъ. Но такое сознаніе было весьма непродолжительно: онъ это несчастіе свалилъ на предопределѣніе судьбы. Такъ видно надо было быть, думалъ онъ, и этимъ утѣшился, а наконецъ, и совершенно забылъ про своихъ дочерей, потому что ему недосугъ было долго заниматься никакимъ глубокимъ чувствомъ, не приносящимъ пользы его карману и чести его имени. Затѣмъ, все его заботливое вниманіе перешло на меньшую дочь Александру, на которой онъ основывалъ свои тщеславныя надежды въ будущемъ. «Чтобы такое мнѣ придумать для нея почудище?...» соображалъ онъ нерѣдко, распивая чаекъ. «Погоди, вотъ что: мамзель возьму для ней,» выдумалъ онъ наконецъ, самодовольно улыбнулся и погладилъ свою окладистую бороду: «пускай Сашутка обучится разнымъ наукамъ—ну на фертыпьянахъ бранчать, въ пляскахъ кружиться и все такое.» Дѣйствительно, Николай Антоновичъ, увлеченный духомъ времени рѣшился, непремѣнно образовать свою дочь и образовать не какъ либуть, а самымъ лучшимъ «манеромъ.» Въ силу этого обстоятельства, онъ призвалъ къ себѣ своего главнаго прикащика и повелъ къ нему такую рѣчь:

— Вотъ что, братъ Кузьма Павлычъ, я хочу, чтобы у меня Саша не отсталла отъ другихъ.... Смотри-ка ты, нынче всѣ пустились въ ученье, особенно, болѣше все дѣвчонокъ обучаются, чтобы, знаешь, способнѣе было товаръ лицомъ съ рукъ сбыть,—а мы-то развѣ хуже людей? Денегъ что-ли у насъ нѣтъ? Что жъ намъ отставать-то отъ другихъ? Нѣтъ, я ничего не пожалѣю, а Сашу такъ обучу всѣмъ разнымъ финифлюшкамъ, что каждому въ посѣ бросится! — Для евтаго я тебя и призвалъ, Павлычъ: пойзжай-ка ты въ Москву да привези оттолева мамзель, да что

ни есть самую лучшую, самую дорогую, сиречь такую, что въ паукахъ собаку съѣла. Да смотри, братъ, не ошибись—не поряди, вмѣсто настоящей, какую нибудь фальшивую,—въ Москвѣ, знаешь, много всякой сволочи!

— Какъ можно-съ, Николай Антоновичъ! мы евда-
каго дѣла зря не сдѣляемъ-съ: поразспросимъ, пораз-
вѣдаемъ, атtestатъ посмотримъ-съ, гдѣ училась, гдѣ
послѣ ученья пристанище имѣла и все такое-съ....
какъ можно-съ!

— Я знаю, братъ, что ты промаха не дашь, вѣдь
ты въ Москвѣ-то живалъ да и родился тамъ, я только
предостерегъ тебя.... Ну эвто ладно. А еще, Кузьма
Павлычъ, купику ты фертыпьяны, да денегъ не жалѣй
—купи, что ни есть самая лучшія, значитъ, первого
сорта.

— Какъ прикажете-съ, такъ и исполнимъ-съ.

— Да, купи первого сорта, подобротнѣе выбери,
чтобы и дерево и лакъ были какъ есть безъ фальши,
да и пофигурѣстѣе, чтобы, знаешь, на отличку: на
моль смотри — вотъ какъ мы!... Ну, вотъ и все.
Нынче же ты и отправляйся съ Богомъ.

Все это было исполнено по желанію Николая Анто-
новича.

Въ теченіи пяти-шести лѣтъ Александра Николаев-
на, при помощи «самой лучшей и дорогой, не фаль-
шивой, а настоящей мамзели», выучилась играть на
фортепьянахъ, танцевать, бѣжко говорить по француз-
ски немножко съ владимирскимъ прононсомъ, прилично
держать себя дома и въ обществѣ и получила кое-
какія научныя, поверхностныя познанія, а притомъ,
перемѣнила мѣстный выговоръ на о на болѣе мягкий
выговоръ на а и стала звать отца не тятенькой, а
папашей. Все это вполнѣ удовлетворяло и тѣшило
заботливаго родителя, не смотря на то, что дочка об-
ращалась съ нимъ свысока, съ пренебреженіемъ, не
скрывала презрительной улыбки при его какой нибудь
неловкой выходкѣ или нескладномъ словѣ и часто не
вдругъ повиновались его капризному произволу. Ни-
колай Антоновичъ смотрѣлъ на это, какъ на шалость
рѣзваго ребенка.

И вотъ, Александра Николаевна уже не одинъ годъ
совершенно вышла изъ ребяческаго возраста, ей
уже минуло осьмнадцать лѣтъ и она вполнѣ
развилась пышной красавицей. Съ этого времени, за-
ботливый отецъ постоянно началъ думать о замуж-
ствѣ своей дочери и составлять на этотъ счетъ, по
своему уразумѣнію, великолѣпные планы. Ему хотѣ-
лось пріискать мужа для своей Саши изъ «хорошой
породы», то есть изъ стариннаго богатаго купеческаго
семейства, равнаго по состоянію его дому, молодаго, кра-

сиваго и, въ особенности, ловкаго и оборотистаго въ
коммерческихъ дѣлахъ; въ послѣднемъ отношеніи, ему
хотѣлось имѣть зятя, хотя бы такого, какоѳ онъ есть
самъ—по чтеніи штетинъ! Притомъ же, Николай
Антоновичъ желалъ непремѣнно принять зятя къ себѣ
въ домъ и передать ему все свое движимое и недви-
жимое со стояніе, съ тѣмъ условіемъ, чтобы зять къ
своей фамиліи прибавилъ фамилію Штетина и подъ
такой фирмой продолжалъ его и свою фабрикацію и
торговлю. Такъ заботился и крѣпко заботился Нико-
лай Антоновичъ о счастіи своей дочери. Между тѣмъ,
Александра Николаевна, за неусыпныя заботы о ней
отца, не совсѣмъ-то хорошо отблагодарила его. Не
спросясь его, она полюбила одного молодаго человѣка,
сына богатаго фабриканта Итогина, который считался
даже богаче Штетина. Чего бы, кажется, лучше? Пар-
тія предстояла не только равная, но даже весьма блес-
тящая для Александры Николаевны. Но Николай Ан-
тоновичъ лишь только узналъ отъ своей любимой
горничной дѣвушки Мары объ обоюдной любви моло-
дыхъ людей, воспыпалъ яростнымъ гнѣвомъ, и хотя
до сихъ поръ не питалъ никакой непріязни къ Ито-
гину, за то теперь возненавидѣлъ его и все его се-
мейство. Причина этого заключалась въ нестерпимой
обидѣ, нанесенной вышереченымъ обстоятельствомъ
Штетину: «какъ дескать смѣли безъ моего вѣдома по-
любить другъ друга молодые люди?» Видите ли, тутъ
была затронута самая звучная струна въ обидчивой
душѣ Штетина.... Хотя его планы на счетъ счастія
дочери не могли разрушиться чрезъ замужество ея съ
Итогинымъ, да дѣло-то это обѣдалось какъ-то само
собой, не только безъ заботливыхъ хлопотъ и безъ
исключительного старанія Николая Антоновича, а даже
безъ его посредства. Вотъ что нестерпимо обидно!

— Ахъ, ты дѣвчонка скверная! сердито ворчалъ
онъ, сидя одинъ въ своей комнатѣ на диванѣ, и шибко
постучалъ щетами объ орѣховый столъ, передъ кото-
рымъ сидѣлъ.

Вошла молодая, красивая горничная дѣвушка.

— Позови ко мнѣ Лександру Николаевну! сурово
приказалъ Николай Антоновичъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ, явилась предъ отцовскія
очи Александра Николаевна.

— Вы меня звали, папаша? Спросила она отца.

Николай Антоновичъ бросилъ на дочь свирѣпый
взглядъ и потомъ уставилъ его въ уголъ.

— Ты эвто что, сударыня, затѣваешь? глухо про-
говорилъ онъ.

— Что такое? съ изумленіемъ спросила Александра
Николаевна.

— Ты явно какъ смѣла завести шашни съ Итогинымъ?

— Какая шашни? съ презрительной гримасой произнесла Александра Николаевна.

— Ка-кія! Мне Марья все рассказала: она подслушала, какъ ты съ этой шкурой мамзелишкой разводы-то разводила на счетъ Итогина.... Завтра же я яву шкуру барабаню поганой метлой со двора сгоню! А тебя, гадкую дѣвчонку, въ чуланъ запру и до тѣхъ поръ не выпущу на свѣтъ божій, пока ты не выбросишь дурь-то изъ головы!

— Mon Dieu! да что жъ такое я сдѣлала? сквозь слезы проговорила Александра Николаевна.— Мне нравится Итогинъ и я ему нравлюсь.... Опять хотѣть просять у васъ моей руки....

— Просить твоей руки у меня?! Я ему не дамъ твоего ногтя, подлецу! Если онъ, чортовъ сынъ, придетъ ко мнѣ сватать тебя—я его сватовъ въ щею выгоню, въ глаза имъ наплюю!.. Я лучше выдамъ тебя за послѣдняго рабочаго, чѣмъ за этого мошенника Итогина!—И Николай Антоновичъ, войдя въ неистовый азартъ, застучалъ, затопалъ, заскрипѣлъ зубами и накричалъ столько страшныхъ угрозъ и браныхъ словъ, что дочь его, ошеломленная неожиданностью, стояла предъ нимъ въ самой смѣшной позѣ—съ разинутымъ ртомъ, выпученными глазами и вытянутыми впередъ руками, какъ бы готовая защищаться отъ нападенія. Впрочемъ, все это не столько испугало ее, сколько изумило, потому что она видѣла еще въ первый разъ своего отца такимъ разсерженнымъ. Но это впечатлѣніе скоро прошло. Ей ужъ стало смѣшино. Въ головѣ у ней начали бродить разныя мысли и соображенія. Она очень много читала французскихъ и русскихъ скандалезныхъ романовъ и вычитала изъ нихъ пропасть примѣровъ, что для женщины въ крайнихъ случаяхъ очень полезны обмороки и истерики. Въ минуту сообразивъ настоящее свое положеніе, она пришла къ весьма разумному заключенію, что теперь ей совершенно необходимо прибѣгнуть къ которомунибудь изъ вышереченыхъ способовъ, а еще лучше—въ обоимъ вмѣстѣ. Всѣдствіе такого соображенія, Александра Николаевна, приложивъ носовой платокъ къ глазамъ, начала всхлипывать—сначала изрѣдка, а потомъ все чаще и чаще и, наконецъ, на славу закатилась истерической икотой. Потѣшась минутъ пять этой певинной продѣлкой, она тихонько опустилась на полъ, легла и—замерла.... Для первого дебюта штука была съиграна отлично!

Въ это время на шумъ вошла въ комнату гувернантка. Увида Александру Николаевну въ такомъ жалкомъ положеніи, она ахнула, всплеснула руками, бы-

стро подѣжала къ ней и потомъ, обратясь къ Николаю Антоновичу, съ укоромъ произнесла:

— Боже мой! что это вы съ ней сдѣлали? вы убили ее, она умерла.... Mortbleu!

Съ Николаемъ Антоновичемъ съ роду не бывало такой оказіи, а потому певиданная имъ до этого времени штука, выкинутая его дочерью, сильно озадачила его, такъ—что онъ нѣсколько минутъ не могъ выговорить ни слова и холодный потъ выступилъ у него на лбу.

«Что за прічча, наконецъ зашевилось у него въ головѣ: я ее, кажется, пальцемъ не тронуль, а она обмерла? Бывало, покойницу—жену возиши—возиши за косы-то по горницѣ, тычешь-тычешь въ бока-то пинками—толькошибко охаетъ, словно въ пустую бочку, а встанетъ—утреть кулаками глаза, поправить косы—и какъ ни въ чемъ не бывало!»

— Grand Dieu!... да велите, пожалуста, хотя воды подать! сказала гувернантка, обратясь къ нему.— Скорѣе!

Николай Антоновичъ очнулся, стремительно бросился къ двери и закричалъ громовымъ голосомъ:

— Воды! воды подайте сюда скорѣе!

Подали воды.

Черезъ нѣсколько минутъ, отъ спрыскиванья холодной водой, отъ натирания висковъ уксусомъ и отъ нюханья чего-то бросающагося въ носъ, Александра Николаевна очнулась отъ обморока; ее подняли и отвели подъ-руки въ ея комнату, гдѣ, раздѣвши, уложили въ постель. Между тѣмъ, Николай Антоновичъ привѣтилъ доктора, который, осмотрѣвъ болѣнную и поговоривъ по французски съ гувернанткой, причемъ Щетинъ много разъ былъ названъ пейзаномъ съ приличными эпитетами, совѣтовалъ отцу какъ можно мягче обращаться съ дочерью, потому что она очень слабонервна. Въ теченіи этого времени, Николай Антоновичъ отъ невѣдомой имъ до сихъ поръ тревоги обгрызъ половину своей бороды. Потомъ, когда въ домѣ все позатихло, онъ началъ размышлять о случившейся «диковинной оказіи» и пришелъ къ такому заключенію, что всему злу виною различныя «фанаберіи», которыми набила голову его дочери «сволочь—мамзелька.» Теперь вся его неистовая злоба обратилась на гувернантку. На другой-же день онъ отпустилъ ее съ миромъ на всѣ четыре стороны, а взамѣнъ ея, выписалъ изъ Москвы другую гувернантку, уже пожилыхъ лѣтъ. «Вотъ явта мамзелька будеть постепеннѣе,» мысленно рѣшилъ онъ. Но и при степенной мамзельке Александра Николаевна не перемѣнила своего поведенія въ отношеніи Итогина и, вдобавокъ, рѣшилась во-что-бы то ни стало вынудить у отца со-

гласіе на вступленіе въ бракъ съ нимъ, почему чаще и чаще стала разыгрывать передъ «папашей» сцены съ истериками и обмороками.

— Твой папаша, извини, mon cher petit ange, необразованный, грубый мужикъ, безпрестанно твердила ей «степеннаѧ мамзелька» съ нимъ нечего много церемониться, въ немъ никакого чувства нѣть, кромѣ жадности къ деньгамъ и глупаго тщеславія, отъ него ничего хорошаго не дождешься, съ пимъ надо поступать энергичнѣе, переломить его упрямство. Я сама любила и была любима, а потому всегда готова помочь влюбленнымъ, это—святая моя обязанность!

Однако Николай Антоновичъ болѣе года крѣпился—не давалъ согласія на вступленіе дочери въ замужество за Итогина, и можетъ-быть, еще долго-долго-бы проупрямился, если-бы не одна очень уважительная причина, представленная ему въ резонѣ дочерью, не вынудила его, наконецъ, согласиться на все, лишь-бы избавиться позора. Однажды Александра Николаевна, настроенная степеннаѧ мамзелькой, довольно энергично объявила папашѣ, что хотя онъ и не соглашается на бракъ ея съ Итогинымъ, то все таки она, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, надѣется поздравить его дѣдушкoi. Слова эти такъ озадачили Николая Антоновича, что онъ совсѣмъ ошарль, какъ будто кто ударилъ его по лбу дубиной. Нѣсколько минутъ онъ сидѣлъ болванъ-болваномъ, выпуча глаза, разинувъ ротъ и не имѣя силъ поворотить языкомъ. А между тѣмъ, образованная дочка, высказавшись передъ добрымъ папашей, ушла отъ него и тѣмъ предоставила ему полную свободу наединѣ хорошенко поразумѣть о всемъ имъ слышаниемъ. Когда Николай Антоновичъ нѣсколько поопомнился, то слезы выступили у него на глазахъ; но это были слезы не истиннаго горя, а слезы уязвленного самолюбія и безсильной злобы. Впрочемъ къ чести его должно сказать, что въ этотъ разъ онъ не произвелъ въ домѣ ни малѣйшаго шума: теперь ему, какъ онъ самъ сообразилъ, такъ и нужно было поступить, чтобы не осрамить на закатѣ своей жизни свою є҃ду голову и не запятнать свою добрую славу. Онъ рѣшился уступить дочери — немедленно согласиться на замужество ея, противъ своего желанія.... Объявивъ Александра Николаевна свое согласіе на бракъ ея съ Итогинымъ, онъ какъ-будто поуспокоился, повеселѣлъ даже, но это было только наружно; внутри же у него постоянно кипѣла злоба, — противъ кого и по-какой причинѣ? онъ и самъ не могъ-бы положительно отвѣтить на это. Но какъ-бы то ни было—дѣло уже было кончено: Александра Николаевна Щетина сдѣлалась Александрой Николаевной Итогиной. Чрезъ годъ послѣ событія, Николай Антоновичъ смѣг-

чился сердцемъ и принялъ зятя и дочь къ себѣ въ домѣ на всегдашнее жительство, и хотѣлъ исподволь передать ему всѣ свои коммерческія дѣла и все свое состояніе. Но этому не суждено было сбыться, какъ и многимъ предположеніямъ Николая Антоновича, чому онъ самъ былъ единственной причиной. У него, какъ я упомянула выше, была любимая горничная дѣвушка Марья, съ которой онъ еще при покойницѣ женѣ уже лѣтъ семь водилъ дружбу.... Марью вся домашняя прислуга и прикащики наружно уважали и величали «сударыней Марьей Ивановной», точно такого-же почета хотѣлось послѣдней добиться отъ зятя и дочери Николая Антоновича. Но Александра Николаевна, зная отношенія Мары къ своему отцу и—то, что онъ даетъ ей слишкомъ много денегъ для обезпеченія ея будущности, старалась какъ можно грубоѣ обращаться съ ней и дѣлать ей всевозможныя непріятности. Марья, съ своей ~~стороны~~ стороны, почти не обращала никакого вниманія на Александру Николаевну, не отдавала ей должнаго уваженія, какъ хозяїкъ, и даже ни въ чёмъ не слушалась ея. Отъ этого и загорѣлся весь сырь-борь, началась мелкая и ехидная женская борьба: Александра Николаевна открыто жаловалась отцу на дерзости Мары, а послѣдняя наговаривала ему на дочь и зятя втихомолку при каждомъ удобномъ случаѣ. Такимъ образомъ, около года длилась эта борьба, и ни истерики, ни обмороки не принесли Александру Николаевну совершенно никакой пользы для одержанія побѣды надъ врагомъ. Наконецъ, она рѣшилась на самую крайнюю мѣру — объявила отцу, что если онъ хочетъ видѣть у себя въ домѣ дочь и зятя, то чтобы Марью немедленно прогналъ, а въ противномъ случаѣ, они съ нимъ жить не станутъ, сѣдѣтъ на квартиру. Не помогла и эта мѣра. Привязанность старика къ молодой женщинѣ превозмогла родительское чувство къ дочери. Николай Антоновичъ, съ своей стороны, тоже рѣшительно объявилъ, что онъ Марью отъ себя не удалить, а если дочь и зять не хотятъ жить у него въ домѣ, то пусть живутъ, гдѣ знаютъ. Дѣлать нечего: необходимость принудила оставить упрямаго старика доживать свой вѣкъ не въ кругу роднаго семейства. Молодые Итогины такъ и сдѣлали: они напяли себѣ домъ съ фабрикой, перебрались на новоселье и завели свою фабрикацію и торговлю. Коммерческія дѣла ихъ пошли хорошо и они зажили согласно и спокойно. Но года черезъ полтора счастливой жизни, мужъ Александры Николаевны померъ холерой въ Нижегородской ярмаркѣ. Молодая вдова нѣсколько времени погоревала о своемъ мужѣ, а потомъ, какъ и всѣ молѣдыя вдовы, позабыла совсѣмъ о немъ и совершенно уѣшилась, выйдя

замужъ за отставнаго капитана, кавказскаго служаку, ловкаго на разныя продѣлки по житейскимъ выгодамъ и человѣка не глупаго и съ характеромъ. Этотъ поступокъ Александры Николаевны окончательно озлобилъ на нее Николая Антоновича, рѣшившагося за это лишить дочь наслѣдства и даже на глаза не принимать ее къ себѣ. Николай Антоновичъ терпѣть не могъ военныхъ. И его единственная дочь вышла замужъ за военнаго, — вѣдь это жестокое, нестерпимое оскорблѣніе! Со-стороны очень жалѣли Николая Антоновича, претерпѣвшаго столько огорченій отъ своей единственной дочери, о которой онъ такъ много заботился... Эти соболѣзвнователи обвиняли во всемъ одну ее; а его еще болѣе восхваляли, какъ *добраю человѣку*, приносящаго слишкомъ много существенной пользы обществу и, въ особенности, страждущему человѣку.

Впрочемъ, некоторые факты, выхваченные изъ жизни и дѣяній Николая Антоновича, гораздо лучше покажутъ справедливость общественнаго мнѣнія, относительно достоинствъ богатаго купца, и обрисуютъ послѣдняго какъ *добраю человѣку*.

II.

У Николая Антоновича былъ короткій пріятель, тоже капиталистъ — фабрикантъ, такой короткій, что «добрый человѣкъ» могъ очень свободно запускать свою руку по локоть къ нему въ кармань или за пазуху и ворочаться тамъ, какъ себѣ заблагоразумится. Этому пріятелю князька пришла въ готову благая мысль — выстроить на свои собственные деньги новую церковь. За благой мыслью немедленно послѣдовало и начатіе благаго дѣла — стройка храма. Но почти при самомъ началѣ черновой работы, вдругъ благочестивца крѣпко забрала какая-то лихая болѣсть и — курносая красотка явилась у его изголовья съ безпощаднымъ требованіемъ — учинить окончательный разсчетъ съ жизнью. Нечего дѣлать — пришлось повиноваться. Благочестивецъ видя бѣду неминучую, посылаетъ за Николаемъ Антоновичемъ и одинъ-на одинъ передаетъ ему свою послѣднюю волю.

— Антонычъ, сказаль онъ князьку, будь добрый человѣкъ — возьми на себя святое дѣло — дострой церковь: денегъ я тебѣ дамъ на евто съ залишкомъ; что останется, знаю, ты не покорыствуешься — отдашь послѣ моимъ сиротамъ. Опричь тебя, мнѣ некому препоручить евтотъ капиталъ, что я обрекъ на церковь. Думалъ я отдать его въ распоряженіе тѣмъ — ну, знаешь? да вѣдь у нихъ душа то, кто ее знаетъ какая, можетъ, хуже нашей съ тобой? да не то что можетъ, а и вирамъ — хуже; больно ужъ они жадны, падки на деньги-то.... Возьмись, другъ, за евто дѣло,

это святое дѣло, не откажись: Богъ тебѣ заплатитъ за все сторицею!

— Вотъ что, любезный другъ Кузьма Петровичъ, я скажу тебѣ на евто; проговорилъ не торопясь Николай Антоновичъ: ты бы, лучше, евто дѣло препоручилъ, обойдя меня, кому-нибудь другому. У меня своихъ-то дѣлъ по горло, а тутъ еще ты навязываешь на меня такія большія хлопоты да заботу. Опять — въ случаѣ, если денегъ не достанетъ на постройку церкви, гдѣ ихъ возьмешь? Своими мнѣ добавлять не придется, потому сирѣчь, что капиталъ че мой, а матушкинъ, я распорядиться имъ невластенъ. Нѣть, ради Бога, уволь меня, Кузьма Петровичъ, отъ евтаго дѣла: никакъ я не могу взяться за него — статья не подходящая!

— Да ты, другъ, обѣ деньгиахъ что-ли болѣно суходитъ?

— Извѣстно, деньги — первая во всякомъ дѣлѣ статья.

— На евтотъ счетъ не сумѣвайся, пріятель: я тебѣ денегъ препоручу не малое число, съ залишкомъ хватить....

— А примѣрно, Кузьма Петровичъ, какую сумму ты обрекъ на церковь-то?

— Семьдесятъ тысячъ рублей серебромъ, опричь того, что теперь выстроено и что заготовлено материала. Чай, не мало будетъ евтихъ денегъ на сооруженіе застроенаго мною храма? спросилъ Кузьма Петровичъ, смотря на своего пріятеля.

— Какъ строить будешь, увертливо отвѣчалъ Щетинъ: можно и на евти деньги выстроить, можно и еще столько же къ нимъ прибавить.... Опять-же: украшеніе украшенію — разница....

— Нѣть, какъ ты мекаешь на евти деньги хорошую выстроишь такой величины церковь, какую я застроилъ?

— Выстроишь хорошую церковь.

— Вотъ, стало-быть, тебѣ въ деньгахъ нѣчего и сумлѣваться: по ихъ числу и строй и украсай церковь, если останется что, ты не покорыствуешься....

— Ты обѣ остаткѣ-то не говори, только-бы хватило.

— Ну, какъ знаешь.... Еще у меня есть до тебя, Антонычъ, просьба, не откажись выполнить ее кстати, будь благодѣтель! Видишь, дѣло-то какое: ты знаешь, у меня жена — баба простая, неграмотная, не больно толковая — полтины мѣди не сосчитаетъ, четвертака отъ гривенника не отличить; сынишка — еще подростокъ: расташутъ у нихъ все чужие люди. Прикащики виначе — народъ-плутъ, на нихъ нельзя положиться: они только и думаютъ, какъ-бы ободрить хозяина да

набить свой кармань. Стало быть, женъ съ сынишкомъ — малолѣткомъ едвали подъ-силу будетъ вести аккуратно фабрикацію и торговлю; навѣрно, лѣтъ черезъ пять, черезъ шесть, а пожалуй — и того меньше, у нихъ разстроится дѣло. Опекуны хоша и выберутся, да вѣдь и на нихъ плохая надежда, вѣдь и они тоже люди — человѣки.... Вотъ я и не хочу женѣ съ сыномъ представить теперь большаго-то наличнаго капитала, проживутъ моль они, у нихъ и такъ останется больше ста тысячъ въ товарѣ да въ долгахъ за людьми, опричъ недвижимости и прочаго фабричнаго заведенія. Я отсчиталъ вимъ наличными-то только пять тысячъ рублей серебромъ, и то на поминъ душѣ своей, а сорокъ тысячъ рублей серебромъ вознамѣрился передать на сохраненіе тебѣ.... Когда мои сироты придутъ въ упадокъ, когда будуть терпѣть нужду и когда мой сынишка войдетъ въ совершенные года да сберется съ полнымъ умомъ-разумомъ, тогда ты евти деньги, по твоему усмотрѣнію, всѣ-ли вдругъ отдашь имъ, или половину, или небольшую часть, смотря потому — могутъ-ли они распорядиться деньгами, какъ слѣдуетъ, на полезное дѣло, или нѣтъ: на евто будетъ твоя добрая воля, ты имъ замѣнишь роднаго отца. Вотъ, другъ, не откажись исполнить евти двѣ мои просьбы, на счетъ церкви и насчетъ семейныхъ моихъ дѣлъ, и Богъ не оставитъ тебя за евто и въ здѣшнемъ свѣтѣ и въ будущемъ!

— Да нельзѧ-ли какъ, любезный другъ, обойдя меня, препоручить евто кому-нибудь другому?

— Ради-Бога, Антонычъ, уважь мою просьбу! а если ты не уважишь моей просьбы, я умру неспокойно.... а тебѣ за евто великий грѣхъ будетъ! Вѣдь, чай, на тебѣ есть крестъ-отъ? чай, въ тебѣ христіанская душа-то? Мы съ тобой не одинъ годъ знаемся — ужъ-ли я такъ николи для тебя ничего и не сдѣлалъ доброго? припомн-ка! Ну, да Богъ осты тобой!... Только будь благодѣтель, не оставь — при концѣ жизни моей я прошу тебя, — не оставь моей усерднейшей просьбы!... Будь какъ Богъ, такъ и ты!...

Николай Антоновичъ еще немного поломался и даже для чего-то утеръ кулакомъ глаза, а потомъ и согласился.

— Спасибо, вотъ какъ спасибо тебѣ, другъ! искренне поблагодарилъ его пріятель.— Ты утѣшилъ меня несказанно, теперь я и умру спокойно... знаю, что ты выполнишь все по совѣсти, безоблыжно, не возьмешь на себя грѣха покривить душой....

— Все выполню, вотъ те.... и добрый человѣкъ перекрестился на иконы, а самъ отчего-то поморщилъся и передернулъ плечами.

— Ну теперь на-вотъ тебѣ ключи, сказалъ больной, доставъ изъ-подъ изголовья связку ключей на ремешкѣ: вотъ евтиимъ большими ключемъ отопри вонъ тотъ желѣзный сундукъ и вынь изъ него четыре ломбардныхъ безъимянныхъ билета — два по тридцати тысячъ рублей серебромъ, а два по двадцати пяти тысячъ рублей серебромъ! евти билеты особенно отъ денегъ и прочихъ документовъ лежать, въ маленькой рѣзной костяной шкатулочкѣ, тутъ увидишъ. Значить, всего будетъ сто десять тысячъ рублей серебромъ: семьдесятъ тысячъ на церковь да сорокъ тысячъ на сохраненіе тебѣ для моихъ сиротъ. Такъ-ли, Антонычъ?

— Такъ-такъ, отвѣтилъ Николай Антоновичъ, пересчиталъ суммы билетовъ и кладя послѣдніе въ свой карманъ. Потомъ онъ заперъ сундукъ и отдалъ ключи больному, который сунулъ ихъ подъ свое изголовье.

Николай Антоновичъ тревожно приподнялся со стула, тихонько перешелъ горницу и осторожно отворилъ дверь въ смежную комнату, въ которой послышался ему стукъ, — тамъ никого не было. Онъ опять сѣлъ у постели больнаго.

— О сорока тысячахъ ты никому не говори, Антонычъ, особенно, моимъ-то, наказаль послѣдній.

— Хорошо. До времени зачѣмъ говорить!

— А я никому ни о чѣмъ не скажу; сдѣланное тайно, когда-нибудь будетъ явно. Ну, теперь прости! Спасибо тебѣ, что ты утѣшилъ меня, грѣшнаго....

Приятели крѣпко поцѣловались и у обоихъ у нихъ на глазахъ выступили слезы....

Потомъ Николай Антоновичъ тихо вышелъ изъ комнаты безнадежно-больнаго пріятеля, спустился задумчиво по широкой лѣстницѣ на крыльцо и, садясь въ крытые пролетки, быстро подкатившія ко крыльцу при его появленіи, съ какимъ-то особеннымъ восхищеніемъ проговорилъ:

— Господи! дѣла-то, дѣла-то! мудреныя дѣла!

О полученныхъ отъ пріятеля деньгахъ на постройку церкви Николай Антоновичъ сейчасъ-же рѣшился навсегда умолчать, по той причинѣ, что съ добромъ дѣлъ не слѣдуетъ распускать молву, должно хранить его въ тайнѣ, чтобы не погубить мзды въ будущей жизни. А онъ этого никакъ не желалъ своему короткому пріятелю, потому и разсудилъ такъ благоразумно.

Въ слѣдующую-же ночь, послѣ вышеописанного событія, пріятель Николая Антоновича отошелъ къ праотцамъ, оставилъ послѣ себѣ немало работы досужимъ языкамъ.

— Что это очень мало денегъ-то осталось послѣ покойнаго? Куда онъ дѣвались? Вѣдь у него, всѣ думали, есть миллионъ! заботливо разсуждали одни.

— Я знать ничего не хочу: я самъ себѣ господинъ.

— Ну такъ у тебя очень плохой господинъ; на твоемъ мѣстѣ я не сталъ бы его слушать.

— Ну хоть миллионы не миллионы, а больше полу-
миллиона полагали у него, подтверждали другіе.

— А кто же теперь будетъ церковь то достраивать?
спрашивали трети съ сокрушеннымъ видомъ, какъ будто исключительно отъ этого зависило ихъ душев-
ное спасеніе и погибель.

— Богъ милостивъ: существуетъ добрый ревнитель
къ храму божію и достроить церковь, съ твердымъ
упованіемъ произносили четвертые.

Слова послѣднихъ въ скромъ времени оправдались
и на самомъ дѣлѣ: дѣйствительно, нашелся добрый
ревнитель къ храму божію и взялся за свои собствен-
ные деньги достроить и украсить церковь, именно:
Николай Антоновичъ Щетинъ! Чрезъ нѣсколько лѣтъ,
храмъ былъ достроенъ, расписанъ и укращенъ велико-
лѣпно, по мѣстному вкусу, который требуетъ не изъ-
щества, а простоты, яркости цвѣтовъ и тяжелыхъ
украшений изъ золота, серебра и дорогихъ каменьевъ.
Въ этомъ отношеніи всѣ были вполнѣ удовлетворены
и честь и слава за это исключительно принадлежала
Николаю Антоновичу.

Съ этого времени Николай Антоновичъ новоизстроен-
ную церковь началь считать своею собственностью и
распоряжался въ ней какъ самовластный хозяинъ,
никому ни въ чемъ не отдавая отчета. Николай Ан-
тоновичъ до того считалъ означенную церковь своюю
исключительно принадлежностью и до того простира-

свою власть въ этомъ отношеніи, что однажды нена-
видимаго имъ за что-то бѣднаго человѣка своеручно
вытолкалъ изъ нея, говоря:

— Не смѣй, подлецъ, въ мою церковь ходить мо-
литься!

До конца своей жизни Щетинъ не измѣнялъ своей
ревности къ храму божію и не переставалъ украшать
его: то дорогая риза появится на какойнибудь иконѣ,
то прежніе подсвѣтники змѣнятся новыми, лучшими,
то позолоту поновятъ на иконостасахъ, то облаченіе
новое сошьетъ къ какомунибудь празднику. Не про-
ходило ни одного года, чтобы въ храмѣ не появлялось
нѣсколькихъ обновокъ. А освѣщеніе въ церкви въ
большіе праздники всегда было великолѣпное, по усер-
дию Николая Антоновича. Но каждая обновка въ церк-
ви появлялась въ слѣдствіе того обстоятельства, что
ктонибудь изъ имѣвшихъ съ Николаемъ Антоновичемъ
коммерческія дѣла раззорялся или, по крайней мѣрѣ,
терялъ значительную часть своего состоянія. Впрочемъ,
подобная обстоятельства, прикрытыя фарисей-
скими дѣяніями Щетина, не входили въ составъ об-
щественного маѣнія, почему оно справедливо и вос-
хваляло Николая Антоновича за его ревность къ храму
божію.

В. А. Рязанцевъ,

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ
СЪ КАРИКАТУРАМИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ Москвѣ безъ доставки. . . 3 р. 50 к. с.

— С.-Петербургѣ безъ доставки. 4 » —

Съ пересылкою во всѣ города. 5 » —

За доставку на домъ въ Москвѣ прилагается 1 р. с.

Адресъ: въ Москвѣ, близъ Харитонія въ Огородникахъ, на Покровкѣ, въ Машковомъ пер., въ д. Миллера.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ

Повѣсть.

(Продолженіе.)

III

Николай Антоновичъ всегда щедро подавалъ нищимъ милостыню. Почти каждодневно бывая въ церкви за службами, онъ ни одного раза не уѣзжалъ домой безъ того, чтобы не одѣлить пятачками и гривнами, а въ праздники и болѣе цѣнными монетами, всѣхъ безъ исключенія нищихъ. Поэтому, около его церкви въ часы каждой службы постоянно толпилось множество нищихъ, ожидающихъ отъ щедрости *добраго человѣка*, непремѣнной милостыни, какъ заслуженной или заработанной платы. Щетинъ, какъ человѣкъ, не любившій безтолково бросать деньги ни въ какомъ случаѣ, соблю-

далъ порядокъ и въ подаяніи милостыни: чтобы не подать одному нищему два раза, онъ, по окончаніи службы и по выходѣ богомольцевъ изъ храма, загонялъ нищихъ въ церковь, самъ становился у дверей и, пропуская въ нихъ обратно по одному нищему, одѣлялъ всѣхъ ихъ поровну. Впрочемъ, несмотря на заведенный Николаемъ Антоновичемъ такой порядокъ, очень часто случались при этомъ комическія и даже траги-комическія сцены, происходившія въ слѣдствіе той причины, что каждому нищему хотѣлось прежде другихъ получить свою долю, почему они на-перебой другъ другу бросались къ дверямъ и производили шумную суматоху. Разумѣется, это выводило *доброго человека* изъ терпѣнія, и онъ для возстановленія между нищими должностной дисциплины, принималъ крутые мѣры, то-есть бралъ въ руку свою толстую палку и съ внутренней бранью начинай колотить ихъ по головамъ, какъ по самымъ удобнымъ для усовѣщеванія членамъ. Подобныя крутые мѣры не рѣдко оканчивались серьознымъувѣчьями, требовавшими продолжительного лѣченія, которое, безъ сомнѣнія, добрый человѣкъ съ полной готовностью принималъ на свой счетъ и, притомъ, еще выдавалъ больному деньги для самаго необходимаго дневнаго пропитанія.

Николай Антоновичъ, какъ *добрый человекъ*, всегда оказывалъ большую противъ другихъ помощь бѣднякамъ, пострадавшимъ отъ пожара и обращавшимся къ общественной благотворительности. И въ этомъ отношеніи онъ поступалъ *не просто*, а обдуманно, на *отличку* отъ прочихъ и съ особенной задней мыслью. Если являлись къ нему съ просьбою о помощи погорѣвшіе, онъ спрашивалъ ихъ:

— Вы всѣхъ ли здѣсь обходили?

— Нѣтъ, ваше милосердіе, мы пришли къ тебѣ къ первому.

— Ну, такъ ступайте, обходите всѣхъ, а ко мнѣ приходите къ послѣднему. Я первый никогда не по даю, ибо въ писаніи сказано: «первые будутъ послѣдними, а послѣдніе первыми.»

Когда бѣдняки являлись къ нему вторично, по его приказанію — къ послѣднему, онъ опять спрашивалъ ихъ:

— Ну что — всѣхъ ли обходили?

— Всѣхъ, ваше степенство.

— Кто всѣхъ больше вамъ подалъ?

— Зудковъ.

— Много ли онъ вамъ подалъ?

— Двадцать пять рублевъ.

— Не врете, канальи?

— Вотъ-те Христосъ, говоримъ безобразно, какъ есть по-совѣсти, — изъ какой корысти намъ вратъ-то?

— Такъ двадцать пять рублей онъ вамъ подалъ?

— Пстинло, двадцать пять рублейъ.

Николай Антоновичъ какъ-то особенно самодовольно улыбался, потомъ доставалъ изъ бумажника деньги и, подавая ихъ погорѣвшимъ, значительно произносилъ:

— Вотъ вамъ тридцать рублей. Смотрите же, помните — я вамъ далъ тридцать рублей!

— Видимъ, ваше милосердіе, тридцать, — и бѣдняки кланялись ему до земли съ безсвязными словами благодарности, но благодарности искренней.

— Теперь ступайте на кухню и скажите, что я приказалъ васъ накормить, довершалъ онъ имъ свое благоіяніе, и они еще долго призывали на него благословеніе свыше:

— Подай ему, Господи! пошли ему, Господи! вотъ добрый-то человѣкъ! вотъ благодѣтель-то нашъ!

По поводу подобныхъ добрыхъ дѣлъ Николая Антоновича, молва далеко гремѣла о немъ, какъ изъ добрыхъ добромъ человѣкѣ. Но верхъ славы Николая Антоновича въ этомъ отношеніи были его *дѣлежи* по случаю поминовеній по умершимъ приснымъ своимъ. Тутъ же творилось что-то необыкновенное, совершиенно не входящее въ разрядъ *никакихъ добрыхъ дѣлъ*.... Еще за недѣлю или болѣе до подобнаго замѣчательнаго событія, Николай Антоновичъ призывалъ къ себѣ своего главнаго прикащикца Кузьму Павлыча для совѣщенія о предстоящемъ дѣлѣ, почему между ними въ этихъ случаяхъ всегда происходилъ почти одинъ и тотъ же слѣдующій разговоръ:

— На будущей недѣлѣ въ пятницу у меня будетъ память по отцѣ (или по матери, или по женѣ и проч.), начинай хозяинъ, — чай, надѣть подѣлить нищихъ и бѣдныхъ людей, Павлычъ? а!

— Извѣстное дѣло-съ, Миколай Антоничъ, отзывался прикащикъ, — у васъ безъ эвтаго ни одни поминки не обходятся.

— По скольку же дѣлить-то, какъ ты думаешь?

— Есть вся воля ваша-съ: какъ вамъ заблагоразсудится, какъ Богъ по сердцу положитъ-съ.

— Гмъ!... Въ послѣдній разъ по скольку дѣлилъ Зудковъ?

— По пятиалтынному-съ.

— А сколько у него на дѣлѣ народа было?

— Не очень много-съ: все больше здѣшніе, постороннихъ малость было. Ну, всего-то-съ, можетъ, тысячи три человѣкъ набралось.

— Гмъ!... Ну, евто что! А Релинъ намѣни по скольку дѣлилъ? чай, евтотъ по многу дѣлилъ — побахвалился?

— Нѣтъ-съ. Всего-то по гривеннику.

— А Толсторожевъ?

— Тоже по гривеннику-съ.

— Ну, евтихъ мимо. Стало быть, въ послѣднее время никто не дѣлилъ больше Зудкова?

— Никто-съ.

— Ну, такъ какъ же намъ-то? а? не по пятаку ли ужь дѣлить? ха, ха, ха!

— Какъ изволите-съ, отзвался прикащикъ, вторя смѣхомъ хозяину,—пожалуй, у насъ и по пятаку денегъ не хватитъ-съ....

— Ой ли? Пожалуй, братъ, не хватитъ! ха, ха, ха!

— Евто только имъ дѣло подсильное-съ.

— Гмъ!... Нѣтъ, ужь мы, по нашей скудости, продолжалъ съ лукавымъ смиренiemъ хозяинъ,—будемъ дѣлить по двугривенному: съ насъ и евтаго довольно, гдѣ-жъ намъ съ тѣми тягаться! Тѣ вѣдь миллионы, а мы что? дрянцо съ пылькой! Тѣ барышы-то лопатами гребутъ, а мы щепоточками.... Такъ какъ же, Павлычъ, по двугривенному что ли?

— Во всемъ есть ваше разсужденіе-съ.

— Али ужь не по четвертаку ли?

— Опять—вся воля ваша-съ.

— Нѣтъ, братъ, будеть и по двугривенному, не слѣдуетъ деньги даромъ бросать.

— Извѣстное дѣло-съ, Николай Антонычъ: перевысили, значитъ, другихъ и—ладно-съ, а то зачѣмъ деньги даромъ бросать-съ? Нынче люди глупы-съ: хошь по цѣлковому подавай имъ на кажиннаго человѣка, все единственно проплють же-съ....

— Евто дѣло не наше съ тобой, Павлычъ: чтобы не знала шуйца, что творить деспая, сказано въ писаніи. Я, ради спасенія души своей, подаю милостыню, и вовсе не думаю, куда мои деньги пойдутъ—не мнѣ судить объ евтомъ. Кто въ винѣ, тотъ и въ отвѣтѣ. Коли по житейскому разсуждать-то, такъ и вовсе не слѣдѣ подавать милостыню-то.

— Оно точно-съ.... тово-съ.... Да вѣдь ужь такъ заведено-съ.

— Вотъ то-то и есть. Значить, не пами съ тобой свѣтъ-то держится. Всѣ люди тагъ дѣлаютъ, стало быть, и намъ должно такъ дѣлать. Хошь бы таперича я, при моемъ достаткѣ, да не подавай большой милостыни, всякой бы меня жидоморомъ, скаредомъ назвалъ, евдакаго бы почета мнѣ не было,—значить, былъ бы я какъ есть плѣвый человѣкъ. Нѣтъ, нашему брату, капиталисту, не подавать больше милостыни—нельзя! Только ты подавать-то—подавай, а самъ держи у себя на разумѣ, что евту проторь какимъ-ни-то манеромъ да надѣть наверстать,—вотъ и не будешь въ накладѣ. Вѣдь и въ писаніи сказано: «дающая рука не оскудѣваетъ!»

— Оно какъ есть-съ. Справедливо изволили разсудить-съ.

— Вотъ то-то, Павлычъ.... Ну, хоша таперича я въ евтомъ дѣлѣ, въ поминки моего покойнаго родителя, буд; дѣлить православныхъ по двугривенному; придется, можетъ, одѣлить до дѣсяти тысячъ человѣкъ: вонъ, значитъ, сколькимъ людямъ я добра-то сдѣлаю! Отъ евтаго и покойникъ-отъ на томъ свѣтѣ велику отраду получить, и мнѣ, грѣшному, мѣда не малая чрезъ евто: на томъ свѣтѣ мое подаяніе зачется за грѣхи мои, а на евтомъ—честь и слава мнѣ отъ всѣхъ. Вотъ вѣдь что дорого-то!

Добрый человѣкъ самодовольно улыбался и съ важной солидностью логлаживалъ свою окладистую бороду, а прикащикъ смотрѣлъ на него съ подлецкимъ умиленіемъ, отчего его рыжая голова склонилась нѣсколько на бокъ къ правому плечу.

— Слѣдовательно, Николай Антонычъ-съ, по двугривенному мы будемъ дѣлить-съ? прервавъ онъ первый молчаніе.

— Да, да, по двугривенному, быстро отвѣтилъ Николай Антонычъ, очнувшись отъ сладкаго раздумья.

— Какъ прикажете-съ насчетъ денегъ-съ?

— Насчетъ размѣна-то что ли?

— Да-съ.

— Тысячи три цѣлковыхъ размѣнай на мелочь.

— Въ городъ, въ казначейство прикажете съѣздить-съ?

— Въ казначейство-то—въ казначейство, да и здѣсь по кабакамъ объѣзди—забери въ нихъ всю мелочь-то, что есть на лицо.

— А какъ насчетъ народу-то-съ?

— Какъ и допрѣде евтаго бывало: оповѣсти по деревнямъ, да вели по базару кличъ прокликать.

Слова «оповѣстить по деревнямъ» означали слѣдующее: за два-три дня до такъ называемаго дѣлежа посыпался прикащикъ для объѣзда всѣхъ окружныхъ ближнихъ сель и деревень съ извѣщеніемъ ихъ жителей о дѣлѣ, имѣющемъ быть, хотя, напримѣръ, у Николая Антоновича Щетина въ слѣдующую пятницу, и что дѣлить будутъ по двугривенному,—такъ кому, дескать, желательно получить даровыя деньги, тѣ—пожалуйте: никому не будетъ отказа. Въ этомъ отношеніи, рѣдко случалось, чтобы было много званыхъ да мало избранныхъ. Даровыя денежки, видно, заманичье брачнаго пира? Кличъ же кликался вотъ какъ: выбирался изъ рабочихъ самый способный кричать оглушительно-шибко горланъ-мужикъ и въ базарный день посыпался, для извѣщенія православныхъ о дѣлѣ, въ самую свалку торговой дѣятельности, гдѣ густыми толпами толкался народъ; у глашатая о дѣлѣ всегда имѣлся въ рукахъ длинный шестъ, на верхнемъ концѣ котораго, большую частію, навязывались вѣнцы, лапоть и разноцвѣтныя тряпки; а иногда

мотались на немъ только картузъ или шляпа, или шапка, снятая съ головы самого герольда, возвѣшавшаго, впрочемъ, не о рыцарскомъ турнирѣ, а просто—о щедромъ подаяніи милостыни, о дѣлежѣ, то-есть, о глупомъ разбрасываніи денегъ *на-вѣтеръ*. Въ подобныхъ случаяхъ глашатай, или герольдъ, или—чортъ его знаетъ какъ назвать, по обыкновенію, громогласно и протяжно выкрикивалъ слѣдующее:

— «А слушайте, православные, послушайте: у его степенства Николая Антоновича Щетина въ евту пятницу будетъ дѣлежъ по отцѣ. Дѣлить будутъ по двугривенному. Кому желательно, всякъ можетъ къ нему идти денежки получа-а-а-а-ать!!!»

Такое громогласное публичное заявленіе о денежномъ подаяніи всѣмъ безъ исключенія протягивавшимъ руку, быстро обхватывало базарную толпу, а потомъ разносилось ею по своимъ жильямъ, и молва о предстоящемъ дѣлежѣ на далекое-далекое пространство облѣтала окрестность, производя удивленіе.

Когда наступалъ знаменательный день дѣлежа, множество народа толпилось около дома Щетина и запружило ближнія къ нему улицы. Жители деревень, побросавъ работы, со всѣми своими семействами, кроме малолѣтнихъ дѣтей, съ трудомъ переползающихъ черезъ порогъ, и самыхъ хилыхъ стариковъ и старухъ, уже не имѣющихъ силъ слѣзть съ печки или съ поплатей, прѣѣзжали или приходили сюда на легкую добычу. Очень многіе изъ мѣстныхъ обывателей, имѣвшихъ безбѣдный кусокъ насущнаго хлѣба отъ своихъ работъ и никогда не протягивавшихъ руку за обыкновенной вседневной грошевой милостынѣй, однако, за полученіемъ двугривенныхъ не брезгали приходить сюда и приводить своихъ дѣтей. Чернорабочіе фабричные, пользуясь обѣденнымъ временемъ, тоже запыхавшись прибѣгали сюда и неистово протискивались чрезъ толпу къ мѣсту раздачи, чтобы скорѣе получить свою долю и потомъ выпить «на-даровщику» въ ближнемъ кабакѣ. Нищая братія, какъ и слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, ужъ всегда бывала тутъ, какъ на своеімъ привилегированномъ мѣстѣ. Крикъ и ругательства, по поводу сильной толкотни и давки, не умолкали ни на минуту въ толпѣ. Очень не-рѣдко случалось при дѣлежахъ, что два-три экземпляра ветхаго, немощнаго человѣчества платились жизнью за желаніе пріобрѣсти даровыя деньги.

Между тѣмъ, по случаю дѣлежа, въ кабакахъ заготовлялось большее количество противъ обыкновенныхъ дней различныхъ питій, а въ калачныхъ лавкахъ накладывались большія груды калачей и саекъ, припасенныхъ для вѣриаго сбыта, по поводу того же дѣлежа. Дѣйствительно, когда кончался дѣлежъ, толпы

народа, съ веселымъ говоромъ и смѣхомъ, тѣсно обступали кабаки и калачныя лавки. Тутъ, разумѣется, происходило то самое, что всегда происходит, когда у русскаго человѣка заведутся въ карманѣ легко-добытые деньги.

Даровые двугривенные, какъ не трудовыя деньги, по русскому обычаю, негодныя для употребленія на нужду, немедленно пропивались и проѣдались. Впрочемъ, это была бы еще не велика бѣда, если бы только доставшаяся *съ-вѣтра* копейка тратилась на обычное увеселеніе русскаго сердца, но дѣло-то въ томъ, что у русскаго человѣка, когда заберется хмѣль къ нему въ голову, все тринѣ-трава, и чужая, даровая копейка тащить изъ кармана его собственный трудовой рубль, облитый обильнымъ потомъ и иногда горькими слезами. Вслѣдствіе этой родной замашки, очень многіе, получившіе на дѣлежѣ всѣмъ своимъ семействомъ три-четыре двугривенныхъ, не только проинивали ихъ, встрѣтясь съ «любезными» кумовьями, сватами или пріятелями, но прибавляли къ нимъ еще своихъ кровныхъ нѣсколько двугривенныхъ; а за неимѣніемъ наличныхъ денегъ, шли въ закладъ за вино рукавицы, опояска и шапка, а иногда даже армякъ или полушибокъ. Нѣкоторые, сильно охмѣлевъ, то-есть, до совершенного безчувствія, теряли даже своихъ лошадей. А въ зимнее время случались еще большія несчастія: отмораживались руки и ноги, или схватывалась сильная простуда. Съ мѣстными жителями хотя не могло случиться ничего подобнаго, за то они, какъ люди фабричные, промышленные, особенныхъ привычекъ и нрава, разъ хвативши досыта бѣшеной радости, дня три-четыре не могли справиться сами съ собой, не принимались за работу, а только каждодневно все опохмѣливались, увѣряя себя и постороннихъ, что, дескать, нынче въ послѣдній разъ выпьемъ, а то—и закаляемся. По этому, легко-доставшійся имъ двугривенный стоилъ очень дорого, отнимая у нихъ рабочее время и унося трудовыя деньги, почему они кляли на чѣмъ свѣтъ стоять доброго человѣка, по щедрости котораго они получили этотъ «окаянныій соблазнитель» двугривенный. Одни нищіе ничего не теряли по случаю дѣлежа, а получивши большее количество денегъ противъ вседневнаго своего сбора, только напивались сильнѣе обыкновеннаго; но такъ какъ у нихъ нѣть никакой обязанности, кромѣ каждодневнаго шатаанья отъ дома къ дому, отъ окошка къ окошку, съ протяжнымъ каничаньемъ и подставлениемъ руки для приема копейки или куска хлѣба, то имъ и терять было нечего.

Существенную же пользу получали отъ дѣлежа кабаки и калачныя лавочки. Большая часть пользы, безъ сомнѣнія, приходилась на долю кабаковъ и не-

сравнено меньшая — на долю калачныхъ лавочекъ. Свѣдущіе во всемъ люди говорили, что когда бывали значительные дѣлжи у доброго человека, то въ двухъ главныхъ базарныхъ кабакахъ насчитывалось перевиручки кассы противъ обыкновенныхъ дней около полуторы тысячи рублей серебромъ. Разумѣется, сколько нибудь торговали и другія, мелкая питейная заведенія. Слѣдовательно, большая денежная сумма, раздробленная на мелочь и разбросанная въ толпу, приносила только тамъ пользу, гдѣ она опять скоплялась хотя въ меньшія противъ начальной цыфры, но все-таки значительныя денежнныя суммы. Дробная же единица суммы, незначительная по своей цѣнности, не могла оказать существенной помощи даже въ малой нуждѣ, а потому и ускользала изъ рукъ незамѣтно, какъ говорится, сквозь пальцы.

Но какъ бы то ни было, подобные дѣлжи все-таки приносили Николаю Антоновичу большую славу, какъ добруму человѣку. Не смотря на это, Щетинъ, послѣ каждого дѣлжа, нѣсколько времени чѣмъ-то тяготился, казался чѣмъ-то серьозно-озабоченъ и дѣлался сердито-угрюмымъ. Въ этомъ тревожномъ состояніи онъ почти не выпускалъ изъ рукъ счеты и все что-то на нихъ выкладывалъ, покусывая концы своей бороды. При такихъ случаяхъ, въ домѣ ничѣмъ не нарушалась глубокая тишина; домашніе ходили на цыпочкахъ, говорили между собой шепотомъ и только издали бросали на главу семейства робкіе взгляды. Наконецъ, Николай Антоновичъ, надумавшись досыта и все сообразивъ и высчитавъ, откладывалъ счеты въ сторону, выпускалъ бороду изъ зубовъ, степенно разглаживалъ ее рукой и, не измѣняя серьезнаго выраженія своего лица, призывалъ къ себѣ главнаго прикащика своего Кузьму Павлыча и, когда этотъ явился предъ его хозяйскія очи, говорилъ ему:

— Павлычъ! много, братъ, мы съ тобой денегъ по пустякамъ растратили: то дѣлжи, то погорѣвшимъ вспомоществованія — много денегъ вышло. Надоѣть, братъ, евту проторь какъ-ни-то наверстать, а?

— Что же-съ, Миколай Антонычъ, евту проторь можно наверстать-съ.

— Гмъ!... Можно?

— Можно-съ.

— Я и самъ знаю, что можно. А по твоему — какъ можно наверстать-то ее?

— Разложить-съ на товаръ, что въ кредитъ про-даемъ: кредитный покупатель по неволѣ долженъ передать копейку или хощь полкопейки въ аршинъ, по той причинѣ, что старый долгъ заплатить намъ — надоѣть вновь купить у насъ, безъ евтаго ему не обойтись, не безъ товару же Ѣхать въ свое мѣсто, ну и

можно его поприжать въ цѣнѣ-то. Вотъ евто самая главная, значитъ, статья. Примѣрно, въ Ирбитскую ярмарку у насъ пошлеется товару-съ до 7000 кусковъ, 420,000 аршинъ — по копейкѣ на аршинъ надбавки — 420,000 копеекъ, значитъ, выходитъ-съ 4200 рублей серебромъ. Вотъ сколько мы получимъ отъ одной ярмарки-съ, а ихъ въ году-то не одна-съ.

— Евто, Павлычъ, я и самъ все разсчиталъ. Ну, а еще что ты придумалъ?

— Поприжать въ сдѣлкахъ мелкихъ фабрикантовъ, что работаютъ на насъ ситецъ-съ; уменьшить плату за сдѣльную работу, сбавить цѣну мѣсячныхъ и годовыхъ рабочимъ, и больше штрафовать ихъ. Такими учетами можно покрыть всѣ екстренные годовые расходы, и еще порядочная сумма въ барышахъ останется-съ.

— Гмъ!... Ладно, Павлычъ; молодецъ ты! Я и самъ все евто хорошо разсчиталъ: какъ есть по твоему выходитъ. Ну, такъ евдакъ и распорядись, какъ мы съ тобой перетолковали. Теперь ты мнѣ больше ненуженъ — ступай!

Прикащикъ ушелъ.

По уходѣ его, Николай Антоновичъ совершенно успокоился, повеселѣлъ и, обративъ глаза на образъ, съ умиленіемъ проговорилъ:

— Да! истинная правда: дающая рука не оскудѣваетъ!

IV

— Кто тутъ? спросилъ Николай Антоновичъ, услыша позади себя тихіе шаги.

— Евто я-съ, отозвался Кузьма Павлычъ.

— А-а, Павлычъ!... Ну, что хорошенъка скажешь?

— Жувлевъ Лука Михалычъ пріѣхалъ-съ, и ему желательно съ вами видѣться-съ.

— Гдѣ-же онъ?

— Въ фабричной конторѣ-съ.

— Такъ зови, братъ, его сюда въ горницу. Да кстати вскричи, чтобы самоваръ поставили.

Прикащикъ ушелъ, а Николай Антоновичъ сейчасъ же закусилъ бороду и сталъ о чѣмъ-то соображать.

— Ничего, тутъ можно кой-что подѣлать, самоувѣренno проговорилъ онъ, — Лука пріѣхалъ, навѣрно, денегъ просить у меня.

Вошелъ Жувлевъ. Щетинъ встрепенулся отъ раздумья, принялъ на себя радушный и ласковый видъ, ступилъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу гостю и, подавая ему свою руку, сладчайшимъ голосомъ проговорилъ:

— А-а, Лука Михалычъ, милости просимъ!

— Здравствуйте, Николай Антонычъ.

— Что евто, батюшка, что евто въ контору прямо ты прошелъ, а ко мнѣ въ домѣ и не заглянулъ? Развѣ

ты не знаешь, какъ у меня дверь-то отворяется? Развѣ я не радъ когда былъ дорогому гостю? Стыдно, пріятель, стыдно!

— Да я думалъ застать васъ въ конторѣ въ это время.

— Нѣтъ, евто только отговорку одну ты дѣлаешь, а на умѣ-то у тебя что нибудь вовсе не то!... Присядь-ко, другъ, да и потолкуемъ.

Хозяинъ сѣлъ на диванъ передъ овальнымъ передъ-диваннымъ столомъ, а напротивъ его на стулѣ помѣстился гость.

— Несчастіе-то какое посѣтило тебя, любезнѣйшій другъ! проговорилъ *добрый человѣкъ* самымъ состра-дательнымъ голосомъ, насильно-врывающимся въ душу.

— Да! что дѣлать?—Точно, справедливо: Господь наказалъ меня большимъ несчастіемъ!

— Чай, на порядочную сумму пригорѣло всего-то у тебя?

— Да, для нась, людей маленькихъ, лишиться такой суммы, на какую у меня сгорѣло, значитъ, ли-шился больше половины всего состоянія.

— О-охъ, да, да!... Что говорить, что говорить!

— Печатная машина сгорѣла, галанда сгорѣла...

— Да вѣдь печатные-то валы вытащали?

— Валы то вытащали, да станки-то попортились, требуется починка—все убытокъ, а мы люди мало-сильные, безденежные—что будешь дѣлать?

— Ужъ и я, Лука Михалычъ, какъ тебя жалью, только единому Богу извѣстно! Вѣть какъ жалю тебя, такъ бы, просто.... ужъ и не знаю что!

— Покорно благодаримъ, Николай Антонычъ, на добромъ словѣ. Вотъ я и пріѣхалъ къ вамъ, Николай Антонычъ, просить васъ...

Жувлевъ привсталъ со стула.

— Сиди, сиди, любезный другъ: въ ногахъ правды пѣтъ. Ну, что, что?

— Пріѣхалъ просить васъ—помогите мнѣ въ ве-ликой моей бѣдѣ!

— Гмъ!... Изволь, пріятель, изволь: чѣмъ могу, я всегда готовъ помочь каждому моему ближнему, а не только что тебѣ. Изъ жалости да изъ состраданія къ тебѣ я готовъ все для тебя сдѣлать. Какая же у тебя будетъ пужда до меня?

— Одолжите мнѣ полторы тысячи рублей серебромъ подъ работу товара. Вамъ извѣстно, что я всегда ра-боталъ на васъ ситецъ безъ фальши, не портиль вамъ миткаль, не соблюдалъ своихъ большихъ выгодъ, а старался только какъ бы вамъ потрафить,—и если перепадало мнѣ мало-мальски кое что на хѣбѣ, я и былъ доволенъ. Припомните мою заслугу вамъ, Николай Антонычъ, и помогите мнѣ ради Бога!

— Да ты что евто ужъ болѣпо много наговорилъ тутъ?

— Нужда моя говоритъ, Николай Антонычъ. Если вы не поможете, мнѣ не къ кому больше и обратиться.

— Въ слезы ты меня ввелъ... *добрый человѣкъ* началъ кулаками терѣть глаза.

— Нужда говоритъ, Николай Антонычъ, твердилъ Жувлевъ.

— Нужда! нужда!... Я никому не отказываю въ нуждѣ, а не только что тебѣ. Пришелъ бы ты ко мнѣ прямо безъ всякихъ евтихъ вывертовъ да и сказа-лъ: дядя! мнѣ нужно полторы тысячи рублей—дай мнѣ ихъ! Я даль бы тебѣ—слова не сказалъ. А то—пошелъ городить невѣдомо какую околосицу! Ну, что въ евтомъ проку?

— Какже, Николай Антонычъ, нельзя же, поми-луйте! Не въ свой сундукъ идешь за деньгами.

— Не въ свой, не въ свой... Развѣ ты меня не знаешь?

— Я знаю, что вы... *добрый человѣкъ*.

— Ну, и разговаривать нечего. Бери-ко вотъ чай-то!

Горничная минуты двѣ уже стояла передъ ними съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ были двѣ налитыя чаемъ чашки съ серебряными вызолоченными ложеч-ками на блюдечкѣ и съ кусками лимона на маленькой хрустальной розеткѣ. Хозяинъ и гость взяли по ча-шкѣ. Горничная ушла.

— Такъ тебѣ полторы тысячи рублей серебромъ нужно?

— Да, полторы тысячи.

— Смотри, не мало ли? Справиши ли ты евтиими деньгами? евти деньги невелики.

— Можетъ быть, справлюсь. У меня есть еще по-лученъя за работу кой съ кого: ну, всего-то, думаю, тысячи три и наберется. На обстройку-то корпуса да на починку машинъ, надо полагать, хватитъ, а тамъ видно будетъ. Чего не хватить — опять поклонимся добрымъ людямъ—авось не оставятъ!

— Другъ обѣ другъ, а Богъ обо всѣхъ!... Я, пріятель, вотъ какую душу имѣю, что мнѣ всякаго жал-ко, пуще самого себя; я состраданіе диковинное имѣю къ людямъ. Кто на приди ко мнѣ съ просьбой помочь въ нуждѣ, никому не откажу—всякому помогу, чѣмъ въ силахъ.

— Такъ вы соблаговолите, Николай Антонычъ, одолжить мнѣ эти деньги, что я у васъ прошу!

— Изволь-изволь, пріятель, дамъ-дамъ, съ удоволь-ствиемъ дамъ хощу и больше евтаго, что просишь. Я знаю—ты человѣкъ хороший—оправдаешь себя, по-помнишь мое добро....

— Покорнейше благодарю, Николай Антонычъ, на вашемъ ко мнѣ расположениі.

— Я люблю, тебя, Лука Михалычъ, какъ роднаго, и чувствую къ тебѣ такую сострадательность, что мнѣ до слезъ жалко тебя,—вотъ видить Богъ!

— Могу цѣнить, Николай Антонычъ, ваше ко мнѣ вниманіе и постараюсь заслужить вамъ за это. Вы дѣлаете мнѣ истинное добро.

— Ну, будеть ужь обѣ евтомъ; теперь давай потолкуемъ обѣ дѣлъ-то. По старому разсчету тыничего мнѣ не долженъ?

— Ничего. По послѣднему разсчету я дополучилъ еще съ васъ немнога деньгами и мы сквитались начисто.

— Какже евто, пріятель, ты дополучилъ съ меня деньгами-то? съ удивленіемъ спросилъ Николай Антоновичъ, не имѣвшій привычки платить за работу мелкимъ фабрикантамъ, работавшимъ на него ситецъ по его миткалямъ, наличными деньгами, а платившій, большою частію, гнилыми или низкаго сорта и почти никуда негодными красильными материалами, необходимыми для выработки ситца, безногими лошадьми, старыми экипажами, словомъ—всякимъ хламомъ, за который, однако, ставилъ цѣну непомѣрно высокую. Впрочемъ, всю эту дрянь онъ давалъ имъ съ придачею отъ себя денегъ. Напримѣръ, если фабриканту, работавшему на него ситецъ, нужно было пятьсотъ рублей денегъ, а онъ ихъ еще нисколько не заработалъ, то Щетинъ давалъ ему эти деньги и на такую же сумму разного хлама, что и служило за несвоевременное полученье ихъ слишкомъ тяжелыми процентами, какъ ниже представится этому достаточно ясный примѣръ.

— А вотъ по какому случаю я дополучалъ съ васъ деньги, отвѣчалъ Жувлевъ, нѣсколько подумавъ: противъ забранныхъ у васъ материаловъ и прочихъ вещей съ придачею денегъ, я сработалъ вамъ ситцу больше нѣсколькими кусками, а потому съ васъ и пришлось дополучить около пятидесяти рублей. Разсчетъ тогда подошелъ къ Пасхѣ, работа, за водопольемъ да за праздникомъ, пріостановилась надолго, ну вы и сдѣлали со мной окончательный разсчетъ, и деньги выдали мнѣ сполна. Съ той поры мы съ вами вновь дѣла еще и не начинали.

— Ну, евто такъ. А я и позабылъ. Дѣлъ-то очень много; каждое не упомнишь, не справясь по книгѣ.— Ну, теперь насчетъ денегъ-то потолкуемъ. Я дамъ тебѣ, другъ, полторы тысячи рублей, помогу тебѣ, душевно жалѣя тебя, только изъ-за полуторы тысячи рублей намъ съ тобой заводить статью-то не стоитъ, надѣть порѣшишь евто дѣло какъ ни то другимъ ма-

неромъ. Вотъ видишь ли что: у меня есть вексель въ триста рублей на Ивана Гаврилова Мобина, срокъ платежа по немъ будетъ черезъ мѣсяцъ,—ты евтотъ вексель возьми у меня безъ оборота, въ-акортъ. Еще я тебѣ дамъ лошадь — изъ парадныхъ, хорошая лошадь, со статями, съ рысью, орловскаго завода, да она у меня лишняя—ну, такъ кудѣжъ мнѣ ее?... Я за нее дорого далъ, а съ тебя возьму всего-то на-все двѣсти рублей. Стало быть, полторы тысячи рублей деньгами, въ триста рублей вексель да двѣсти рублей лошадь, всего—двѣ тысячи рублей. Ну, еще на тысячу рублей ты заберешь у меня какихъ тебѣ нужно будетъ материаловъ марены ли, сандалу ли, масла ли купороснаго, словомъ — какихъ тебѣ понадобится, у меня всякия, знаешь, есть.... Безъ материаловъ вѣдь нельзѧ работать? Покупать будешь же ихъ? Ну, значитъ, и выходитъ все единственно.... Вотъ за тобой и будеть круглымъ числомъ три тысячи рублей. На евтомъ мы съ тобой и порѣшимъ дѣло — съ обѣихъ сторонъ безобидно, по совѣсти, какъ есть на чести. Согласенъ ли, а?

Жувлевъ поморщился.

— Да вы, Николай Антонычъ, сказалъ онъ, лучше бы за эти полторы тысячи рублей проценты положили съ меня какие вамъ угодно, а сдѣлку на счетъ работы мы бы съ вами послѣ порѣшили, когда я совсѣмъ устроюсь да дѣло пущу въ ходъ.

— Проценты положить! Да что ты, Богъ съ тобой, въ умѣ ли? Да развѣ я ростовщикъ какой? Я коммерціей занимаюсь, а це процентами наживаю себѣ капиталъ. Благодаря Бога, могу всегда сказать въ глаза всякому: не даде сребра своего въ лихву! А ты, за мое-то къ тебѣ расположениѣ, обиждаешь меня такими непотребными словами.... Богъ съ тобой! Не ждалъ я отъ тебя, Лука Михалычъ, евтаго, нечего сказать, не ждалъ.... Господи! вотъ нынче какіе люди-то! къ нимъ обращаешься съ расположениемъ, съ состраданіемъ, добро хочешь имъ сдѣлать, а они тебя въ глаза поносить.... о-о-охъ-охъ-охъ!

— Да я.... Николай Антонычъ.... не насчетъ чего такого....

— Человѣкъ просить полторы тысячи рублей, а ему даешь три тысячи, и евтимъ еще не угодишь на него —козырится!—Да ты подумай, умная твоя голова съ мозгомъ, развѣ я тебя притѣсняю въ чемъ, касательно евтаго дѣла? По векселю черезъ мѣсяцъ ты получишь деньги; тебѣ большая подмога овѣ будуть въ теперешнихъ твоихъ обстоятельствахъ. Можетъ, ты сумѣваешься что въ этомъ векселѣ? Не сумѣвайся другъ: я оттого тебѣ его передаю въ акортъ, что не хочу съ Мобинымъ больше торговаться; оставь я евтотъ до-

кументъ у себя, онъ въ срокъ заплатить мнѣ по немъ и будетъ просить вновь продать ему въ кредитъ товару, а я евтаго не хочу, по той причинѣ, что опять сталъ вазиаваться, видно, денегъ нажилъ много. Лошадью чтоли ты тяготишился? Лошадь, кому не надо, такъ стоитъ евтихъ денегъ, что я кладу за нее. Я бы ее ни за что и не продалъ, да она у меня лишняя. А про материалы и говорить нечего: дешевле моего ты нигдѣ не купишь ихъ. Ну, неужели я не добро для тебя дѣлаю? а? скажи, другъ, по совѣсти!

— Покорно вѣсъ благодарю.... Только я сомнѣваюсь насчетъ Мобина: что-то не совсѣмъ-то ладно говорятъ про него....

— Да если что и выйдетъ, такъ кормовыя я вѣсу.... Посадятъ какъ въ каменный-то мѣшокъ, такъ раздѣлается, хошь иловый да отелится! Вѣдь у него есть еще чѣмъ раздѣлаться—домъ, лавка....

— Хорошо-съ, Николай Антонычъ, я согласенъ на ваше предложеніе.

— Ну вотъ и люблю за эвто!—я велю приготовить документикъ; его принесутъ къ тебѣ на домъ; ты тамъ у себя и подпишешься къ нему.

— Да зачѣмъ же это, Николай Антонычъ? Я кажется, и такъ....

— Нельзя, другъ мой; хошь я тебѣ и вѣрю, да порядокъ того требуетъ, опять же—въ животъ-смерти Богъ воленъ! А какъ документикъ-отъ есть, такъ дѣло-то и чисто, все на виду.

— Ну такъ затѣмъ прощайте, Николай Антонычъ.

— Прощай, любезный другъ Лука Михалычъ, прощай—прощай.

Щетинъ проводилъ гостя до дверей, потомъ опять сѣлъ на прежнее мѣсто и, самодовольно улыбаясь, проговорилъ:

— Ловко обдѣлалъ я дѣльце. Теперь Лукашъ я закинулъ петлю на шею, не вывернется скоро изъ моихъ рукъ. Да вѣдь и то сказать: у меня деньги-то не пахальныя! Другихъ жалѣть-то—жалѣй, да и себя не забывай. Какъ что ни говори, а своя рубашка къ тѣлу ближе!... Эй! кто тамъ есть? войдите сюда! вскричалъ онъ и постучалъ объ столъ.

Вошла горничная дѣвушка.

— Пошли поскорѣе ко мнѣ Кузьму Павлыча!

Чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ Кузьма Павлычъ.

— Скажи, Павлычъ, конторщику, чтобы онъ за-велъ въ книжъ статью на Луку Михалыча Жувлева: дано ему наличными деньгами полторы тысячи рублей, вексель на Ивана Гаврилова Мобина въ триста рублей, лошадь въ двѣсти рублей и на тысячу рублей забрать ему у меня разныхъ материаловъ, а всего—три тысячи рублей серебромъ, которые онъ долженъ

заработать мнѣ ситцами. На евтотъ счетъ изготовь документъ, въ которомъ упомянни, что дескать въ случаѣ моей,—то есть Жувлева, неустойки, я отвѣчаю Николаю Антоновичу Щетину всѣмъ моимъ дви-жимымъ и недвижимымъ имуществомъ. Ужо евтотъ документъ ты и отвези ему для подписанія, вмѣстѣ съ нимъ и деньги отвези ему и вексель Мобина; а лошадь отведите сейчасъ же: скорѣй съ корму долой. Все ли понялъ?

— Суммы я записалъ-съ. А то все хорошо понялъ. Больше ничего не прикажете-съ?

— Нѣтъ, ничего.

— Тамъ на дворѣ у крыльца женщина стоитъ-съ.

— Какая? что ей нужно?

— Просить вспомоществованія на выдачу дочерей въ замужество.

— А, чортъ бы ихъ тамъ побрадъ! таскаются сволочи да канючатъ, словно мы обязаны помогать имъ, словно у насъ денегъ— бездонная яма! Чья она, знаешь ли ты?

— Она вдова-съ. Мужъ ея жилъ въ приказчикахъ у Зудкова. У ней четыре дочери и два сына-съ.

— Малѣтки что-ли дѣти-то?

— Дочери-то ужъ почти всѣ въ совершенномъ возрастѣ: меньшой лѣтъ шестнадцать будетъ-съ, а старшей-то слишкомъ двадцать, ну а мальчики-то еще учатся-съ, они, значитъ, у ней послѣдніе-съ.

— Ну ее! откажи ей! скажи, что дома нѣть меня. Али постой: ты видѣлъ ея дочерей? хороши онъ собой?

— Красавицы-съ!

— Гмъ!... Которую же она замужъ-то выдаетъ?

— Старшую-съ.

— Ну, а какъ онъ живутъ?

— Мать-то очень любить винить-съ, а дочери-то тово-съ..., про нихъ не очень ладно говорять. Вотъ только про меньшую-то еще ничего не слышно-съ.

— Да я тебя не про эвто спрашиваю. Я говорю, какъ онъ живутъ—бѣдно или не очень?

— Какое бѣдно-съ! Дочери-то такія франтихи, что любой купеческой дочки не поддадутся.

— Ну, ты ступай, Павлычъ, въ контору и распо-радись, что я тебѣ наказывалъ, а женщину евту вели горничной привести сюда ко мнѣ.

В. А. Рязанцевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ
съ карикатурами.
выходитъ еженедѣльно.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ Москвѣ безъ доставки. . . 3 р. 50 к. с.

— С.-Петербургѣ безъ доставки. 4 » —

Съ пересылкою во всѣ города. 5 » —

За доставку на дому въ Москвѣ прилагается 1 р. с.

Адресъ: въ Москвѣ, близъ Харитония въ Огородни-
кахъ, на Покровкѣ, въ Машковомъ пер., въ д. Миллера.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ

Повѣсть.

(Продолженіе.)

IV

Чрезъ нѣсколько времени по уходѣ прикащика, въ комнату вошла пожилая женщина, одѣтая вся въ чёрное, кромѣ пестрого платка, повязаннаго на головѣ. Лицо у этой женщины, одутловатое и красное, съ подслѣповатыми и воспаленными глазами, съ вздернутымъ кверху носомъ и съ толстыми губами, носило слѣды порочной и невоздержной жизни. Общее выражение ея лица было очень непріятное: подлое, хитрое, жадное и злое. Эта олицетворенная Мегера держала въ своихъ дрожавшихъ отъ вина рукахъ свернутый листъ бѣлой бумаги. Войдя въ комнату, она прилежно

помолилась на иконы и потом отвёсила нѣсколько очень низкихъ поклоновъ Николаю Антоновичу, который пристально разглядывалъ ее. Послѣ первого знакомства другъ съ другомъ, сейчасъ же между ними завязался довольно продолжительный интимный разговоръ, следствиемъ котораго было то, что Николай Антоновичъ пожертвовалъ Мегерѣ на выдачу въ замужество ея дочерей двадцати пяти рублевую бумажку, что и записалъ въ вышеупомянутый свернутый листъ бѣлой бумаги, гдѣ уже было очень много и другихъ записей, гласившихъ о количествѣ каждого пожертвователя. Совершивъ такое благочестивое дѣло добрый человѣкъ, при прощаніи съ облагодѣтельствованной имъ женщиною, убѣдительно наказывалъ ей:

— Ты смотри же, не обмань меня!... Евто я далъ тебѣ только задатокъ, а когда уладишь дѣло, я награжу тебя, какъ слѣдуетъ.

— Какъ можно, благодѣтель, обмануть! неужели я не вижу своей пользы и счастія моей дочери?

— То-то же, смотри!... Вѣдь свяжется же она съ какимъ нибудь голякомъ — ничего пути не будетъ — только себя и свою молодость сгубить задаромъ....

— Не беспокойся, радѣльникъ нашъ, чрезъ недѣлю все будетъ по твоему.... Ужели я промѣняю тебя на яго другаго? Вѣдь жисть евтаго не случится!... слава Богу, у меня тоже совѣсть есть.... Ну, простите покамѣстъ, — и Мегера вышла, низко поклонившись ему нѣсколько разъ.

По уходѣ ея, Николай Антоновичъ глубоко вздохнулъ, степенно погладилъ свою представительную бороду, самодовольно и весело улыбнулся, и промычалъ свое обычное — гмъ!

Спустя около полутора мѣсяца послѣ этого событія добрый человѣкъ сидѣлъ съ двоими своими пріятелями и собратами по коммерціи въ своей приемной гостиной и попивалъ съ ними чашкѣ, шутливо разговаривая о различныхъ житейскихъ суетахъ-суетствій.

— Нынче и добро-то никакъ нельзѧ сдѣлать безъ опаски, говорилъ хозяинъ, прехлебывая чай изъ чашки; сейчасъ что нибудь приплетутъ не хорошее. Съ небольшимъ мѣсяцъ тому назадъ, я подалъ одной вдовѣ двадцать пять рублей на выдачу въ замужество ея дочери и — что-же? про меня такую сплели небылицу въ лицахъ, что и во снѣ не скоро приспится! Приплели меня къ ея меньшой дочери... а я и въ глаза-то ее не видывалъ. Ну подѣлься ли мнѣ заниматься евдакими дѣлами?... Я изъ состраданія помогъ бѣдной вдовѣ, что у ней шестеро дѣтей.... гдѣ ей взять?... а тутъ дочери судьба выходитъ — ну, ей надо помочь. Эхъ, люди! всето они въ дурную сторону толкуютъ!

— Да вѣдь, пожалуй, толкуй — никто не повѣрить, сказалъ одинъ изъ гостей.

— Разумѣется, ни одинъ умный человѣкъ не поверить такой глупой сказкѣ, подсказалъ другой.

— Да! слава Богу! хорошие люди про меня дурного не скажутъ, кичливо подтвердилъ самъ хозяинъ.

Вошла горничная.

— Жена Ивана Гаврилыча Мобина пришла-сь, доложила она.

— Гдѣ она?

— Въ калидорѣ-сь.

— Гмъ!... Ну, сейчасъ выду. Проводи ее въ угловую комнату.

Николай Антоновичъ допилъ чашку, перемолвился нѣсколькими словами съ пріятелями и, тяжело приподнявшись со стула, пошелъ неторопясь, въ раскачку на свиданіе съ Мобиной.

— Присядьте, пожалуйте, пригласилъ онъ Мобину, войдя въ угловую и раскланивавшись съ ней.

— Ничего-сь. — Я къ вамъ, Миколай Антонычъ.... не погубите ради-Бога насть!

— Что, матушка? что, что такое?

— Мужъ мой состоять вамъ по векселю долженъ.

— Онъ состоялъ мнѣ долженъ, а теперь не состоить, по той причинѣ, что я его документъ передалъ въ уплату своего собственнаго долга Жувлеву. Вы къ нему и обратитесь.

Да Жувлевъ ужъ кормовый внесъ, моего мужа въ тюрьму посадятъ.

— Я въ евтомъ, матушка, нисколько не виноватъ.

— Батюшка, Миколай Антонычъ, не отступитесь вы отъ насть! окажите божескую милость! Вы много дѣлаете добра: явите и на насть, несчастныхъ, ваше благодѣяніе! семеро дѣтей у меня.... что мы будемъ дѣлать? по міру должны идти!

— Да скажите, что же я-то могу сдѣлать для васъ?

— Видители дѣло-то какое: всѣ кредиторы моего мужа, зная, что онъ не отъ себя пришелъ въ несостоятельность, келейно согласились получить съ него свои долги въ разсрочку въ нѣсколько лѣтъ, не стѣсня его въ торговлѣ и не подрывая его кредита. Теперь только одинъ долгъ вамъ и вяжетъ его. Если вы согласитесь сдѣлать такое же снисхожденіе ему, какъ и прочие кредиторы, то онъ еще можетъ поправить свои дѣла, а этимъ вы спасете отъ погибели все наше семейство. Не погубите насть!

— Послушайте, голубушка, вы только поясните, кричите, а дѣло не разберете толкомъ. Выслушайте меня хладнокровно: еслибы вексель вашего мужа былъ не переданъ мною въ другія руки, я бы, слова не говоря, все для васъ сдѣлалъ. А теперь онъ переданъ

мною такому человѣку, съ которыми я имѣю большія непріятности, по эвтому, не только не могу возвратить назадъ документъ къ себѣ, а не могу даже имѣть съ евтимъ человѣкомъ рѣшительно никакихъ сношеній, стало быть, и для васъ сдѣлать ничего не могу.

Мобина упала добруму человѣку въ ноги и рыданія долго не давали ей выговорить ни одного слова. Наконецъ, скорбный вопль вырвался изъ ея груди — и она, приподнявшись на колѣни и судорожно сжавъ руки, могла произнести, но только три слова:

— Батюшка! Миколай Антонычъ! но въ этихъ трехъ словахъ слышалось такое горячее моленіе, такая отчаянная скорбь и такое ужасное несчастіе, что Николай Антоновичъ чуть не покатился со смѣху: какія дескать штуки еще она умѣеть выкидывать!

— Встаньте, пожалуйста, встаньте..., не срамите себя, твердилъ онъ, покусывая бороду и пятясь отъ Мобиной.

— Будьте благодѣтель! не дайте намъ погибнуть! заставьте за себя вѣчно Бога молить! отчаянно вопила несчастная, не помня себя отъ горя и не обращая вниманія на слова *добраю человѣку*.

— Ну, ладно: я постараюсь уладить какъ нибудь это дѣло, — наконецъ, сказалъ съ неудовольствіемъ Щетинъ, желая покончить съ Мобиной непріятную для него сцену, — только встаньте ради Бога да не кричите на весь домъ: вѣдь у меня тамъ гости!

— Батюшка: Миколай Антонычъ, помогите!

— Что могу — все сдѣлаю.... только ужь вы ступайте домой-то, а то я гостей тамъ однихъ оставилъ не хорошо.

— Такъ мы, благодѣтель нашъ, будемъ на васъ надѣяться?

— Надѣйтесь на Бога, а я — что!... Ну прощайте, мнѣ некогда, — и Николай Антоновичъ, поспѣшно проводивъ Мобину, возвратился къ своимъ пріятелямъ. Усѣвшись на стулѣ, онъ долго не могъ успокоиться, вытирая безпрестанно платкомъ потъ, градомъ катившійся съ лица, тяжело дышалъ и никакъ не могъ начать разговара съ своими гостями.

— Что ты Николай Антонычъ, словно семь верстъ въ лѣтній жаръ на пожаръ бѣжалъ, какъ запыхался? спросилъ одинъ изъ пріятелей.

— Чево, братъ, баба замутила!

— Знать, горяча ужь больно?

— Да, дружище, поддавала жару, проваль ее возьми! — Видите ли, дѣло-то какое: ея мужъ былъ долженъ мнѣ по векселю, а я вексель-то его передалъ въ другія руки безъ оборота на меня, а кто взялъ его у меня — такой чудакъ! неполучивши деньги въ срокъ платежа, подалъ вексель ко взысканію и внесъ

кормовые деньги.... Вотъ теперь жена-то должника и приходила просить меня, чтобы я вексель-то взялъ къ себѣ обратно и деньги, значитъ, заплатилъ тому, у кого мой вексель, а мужъ бы ея мнѣ денегъ не отдалъ, а сказалъ бы только: спасибо! Любо ли животу-то такъ смѣйтесь!

— Въ самомъ дѣлѣ, смѣшно: какіе есть еще глупые люди на свѣтѣ!

— О-о-о! на свѣтѣ дураковъ еще четыре угла не-початыхъ.

Добрый человѣкъ ничего не могъ сдѣлать для Мобина, котораго за неплатежъ долга и посадили въ тюрьму....

Николай Антоновичъ, какъ ловкій коммерсантъ, сомнительные векселя всегда старался какъ нибудь сбыть съ рукъ, завертывая ихъ въ счетъ покупокъ красильныхъ матеріаловъ и бумажной пряжи, разумѣется, по предварительному условію съ продавцами, и включая ихъ въ плачежи мелкимъ фабрикантамъ за работу ситца по его миткалямъ, — и, въ такихъ случаяхъ, всегда писалъ на оборотѣ векселя бланкъ:

Безъ оборота на меня. Н. А. Щетинъ.

По причинѣ такого благоразумнаго распоряженія на счетъ кредитовъ, Николай Антоновичъ совершенно былъ отстраненъ отъ непріятныхъ столкновеній съ неплатящими-должниками и, такимъ образомъ, его высокое чувство *состраданія* сохранилось во всей своей дѣвственной чистотѣ.

Къ крыльцу Щетина быстро подкатила щегольская крытая пролетка съ маленькой и толстенькой человѣческой фигуркой, именно — такой по объему, какія слынутъ — кубаремъ или обрубкомъ.

— Дома ли хозяинъ? спросилъ фальцетомъ небольшой человѣчекъ дворника, разметавшаго дворъ.

— Кажись, дома, отвѣчалъ этотъ, въ полоборота взглянувъ на пріѣзжаго и не переставая мести.

Въ эту минуту вышелъ на крыльцо самъ хозяинъ, котораго, впрочемъ, не замѣтили ни пріѣзжій, ни дворникъ.

— Зачѣмъ ты говоришь — *кажись*? пискливо закричала фигурка дворнику, — ты прямо говори — дома или нѣть?

— Надо быть, дома.

— Опять — надо быть!... Дуракъ ты, вотъ что!

— Да ты что кричишь? что кипятишься? проговорилъ съ усмѣшкой Николай Антоновичъ.

— А-а-а! святая душа съ подхалимцемъ! Ходячія мощи! обратился небольшой человѣчекъ къ хозяину, сойдя съ пролетки и подходя къ нему скорыми маленькими шагками.

— Здравствуй, здравствуй, бѣсова косточка!

— Здравствуй, подружка!

— Экъ онъ съялся съ евтимъ бабьемъ, что и мужчинъ-то называетъ подружками!

— Ну ужъ и ты, любезный, хорошъ: съ виду-то апостолъ, а по дѣламъ-то кобель пестрый!

— Полно-ка балагурить-то, нѣжинскій грекъ, пойдемъ-ка, лучше, ко мнѣ въ хату.

— Боюсь идти-то къ тебѣ, подружка, больно мужикъ-отъ ты ловокъ—совѣстливый да честный—наголо оберешъ!

— Что за языкъ! повѣсить бы тебя надо за него.

— Ну, меня пускай надо, подружка, повѣсить за языкъ, а тебя за всѣ члены.

— Тыфу, окаянный!... Ну, пойдемъ, пойдемъ.

Хозяинъ и гость, взявшись подъ руки, вошли въ домъ.

— Выручай, подружка, я къ тебѣ за деньгами пріѣхалъ, пропищаль небольшой человѣчекъ, усаживаясь рядомъ съ хозяиномъ на диванъ въ гостиной.

— Все и будутъ у меня про тебя деньги, какже, держи карманъ! проговорилъ шутливо послѣдній.

— Ты тамъ какъ хочешь пой лазаря-то, а денегъ-то все-таки мнѣ дашь, потому что ты плутъ и знаешь когда можно съ своего ближняго крестъ снять, то-есть, сначала удавивъ его на гайтанѣ.

— Да ты полно бранитъся-то, нѣжинскій грекъ. Денегъ просить, а самъ ругается. Вотъ, прости Господи, навязался на мою шею какой лѣшій, какъ разъ съ нимъ совсѣмъ заблудишился, что и пути не найдешь.

— Э-э-э, нѣтъ, подружка, ты самъ всякаго обойдешь, проведешь да и выведешь на свѣжую воду!

— Ну ужъ—воръ у вора дубинки не украдеть.

— Полно балысы-то точить, а ты, подружка, давай-ка мнѣ денегъ-то—вотъ что! До зарѣзу вѣдь нужны.

— А много ли тебѣ нужно-то?

— Пять тысячъ рублей серебромъ.

— Гмъ!... Не скоро и выговоришь....

Добрый человѣкъ закусилъ бороду и началъ что-то соображать.

— Ну, что-жъ ты молчишь? нетерпѣливо произнесъ небольшой человѣчекъ.

— Да ты такъ меня озадачилъ, что я и теперь еще не могу опомниться.

— Экой жидоморъ!... Да ты о чёмъ задумался опять? Не знаешь что въ придачу дать къ деньгамъ? такъ что ли?

— Ну да!... такъ!

— На тысячу рублей давай чего хочешь—все возьму: пѣтуха дохлаго, собаку паршивую, кошку слѣпую,— только дай деньгами пять тысячъ рублей, ну и будетъ за мнай всего шесть тысячъ.

— Нѣ-ѣ-ѣть, дудки! шалишь—мамонинъ, на грѣхъ наводишь!... Мы вотъ какъ сдѣлаемъ: я, ужъ и быть, дамъ тебѣ пять тысячъ рублей, только съ ними дамъ еще четвернью сѣрыхъ—знаешь?

— Н-ну! тревожно пискнулъ человѣчекъ.

— У тебя жена такая важная барыня, франтиха, все съ господами знается, по французскому говорить, на фертыпьянахъ наигрываетъ—ей подѣ-стать будутъ мои рысаки, лучше ихъ ни у кого здѣсь не найдешь...

— Да ну же! ужъ жалобно пропищалъ человѣчекъ.

— Вотъ и будете вы съ ней раскатываться на нихъ—на диво добрымъ людямъ, а себѣ на потѣху. И я когда нибудь посмотрю хошь въ щелочку на васъ, да полюбуюсь, а вы ужъ, вѣрно, не забудете моей добродѣтели до конца своей жизни....

— Ахъ, чортъ возьми! будеть ли конецъ твоей басни? пронзительно взвизгнулъ человѣчекъ, выйдя изъ терпѣнія.

— Да ты погоди, не горячись!... Вотъ за все удовольствіе я и возьму съ тебя только пять тысячъ рублей.

— Пять тысячъ рублей за лошадей-то?!

— А то какже! цѣна настоящая....

— Да ты, подружка, какъ есть настоящій, безъ подмѣси, разбойникъ! За лошадей пя-ять ты-ы-ся-ячъ ру-у-блѣ-ей!!

— Да: за лошадей пять тысячъ рублей; да, не забудь, деньгами тоже пять тысячъ рублей; всего и будетъ десять тысячъ рублей серебромъ.

Небольшой человѣчекъ вскочилъ съ дивана, какъ кубарь съ него скатился, схватилъ фуражку и опрометью бросился было вонъ изъ комнаты, но хозяинъ тоже побѣжалъ за нимъ, догналъ и остановилъ его,

— Пусти! не хочу съ тобой никакого дѣла имѣть! горячо пищаль небольшой человѣчекъ, спясь освободить свою слабую рученку изъ мощной длані Николая Антоновича.

— Ну полно, не кипятись, уговаривалъ его послѣдній съ улыбкой.

— Пусти, говорятъ! я не хочу имѣть съ тобой дѣла, не хочу на тебя больше работать.... Какъ только пріѣду домой, сейчасъ же веду весь твой миткалъ перевозить къ тебѣ....

— А деньги-то, которыя ты мнѣ долженъ, стало быть, отдашь мнѣ?

— Не отдамъ!

— Ну такъ заработаешь ихъ.

— Не стану и заработать!

— Нельзя: у меня на ево есть документъ отъ тебя....

— Сказалъ: не стану—и не стану!

— Почему?
— Потому что въ тебѣ честности нѣтъ.
— Какъ—честности нѣтъ?

— Такжѣ!... У мен器 тоже есть отъ тебя документъ, въ которомъ сказано, что ты обязываешься отпускать мнѣ за работу ситца красильные матеріалы хорошихъ качествъ, а ты какіе мнѣ отпускалъ? а? говори, какіе?

— Настоящіе.... самые, значитъ, первосортные.

— Самъ ты, подружка, самый настоящій первого сорта плутъ,—вотъ что!... Ты мнѣ вотъ какихъ достоинствъ отпускала матеріалы: вмѣсто марены, въ бочкахъ оказывалась какая-то гнилая труха, вмѣсто гарансину—грязная пыль, въ каждыи ящикѣ кубовой краски было всыпано около пуда песку, что составляется разсчету слишкомъ на сто рублей серебромъ въ ящики, третий сандалий былъ до того всегда намоченъ водой, что въ каждомъ пудѣ не доставало десяти фунтовъ,—точно также и всѣ прочіе матеріалы отпускались тобой мнѣ самые скверные, почти никуда негодные. Это честно по твоему что ли? Ты думаешьъ, что за это не можешьъ отвѣтить предъ судомъ и поплатиться не только тѣмъ, что я тебѣ долженъ, а и съ большой прибавкой?

— Ха, ха, ха!... Ахъ ты умная твоя голова съ мозгомъ! да развѣ на матеріалѣ, который я тебѣ отпускала, были мои клеймы что ли? Ты, можетъ статься, мои-то хорошие матеріалы уже всѣ произвелъ въ дѣло, а вмѣсто ихъ подсунулъ свои дурные: чѣмъ евто доказашь? какъ тутъ допытаться до правды? Нѣтъ, приятель, ты евто только одни пустяки горошишь. Опять же—развѣ я самъ не могу ошибиться въ покупкѣ матеріаловъ? Не влѣзешь вѣдь, примѣрно сказать, въ бочку хощь съ мареной или гарансиномъ, не пересмотришь ихъ по щепоточкѣ. Ты знаешьъ, что почти всѣ матеріалы, требующіеся для насъ, продаются на-глухо закупоренные,—или въ бочкахъ, или въ ящикахъ,—какъ ихъ разсмотрѣшь тутъ? А покупаются они по пробамъ. Ну, пробу-то тебѣ покажутъ хорошую, а матеріалъ-то послѣ окажется дурной. Стало быть, въ евтомъ случаѣ, никто не можетъ поручиться за себя, что онъ не ошибется. А опять же—я не для тебя одного покупаю матеріалы-то, а и для своей фабрики и другимъ фабрикантамъ даю, ихъ подъ работу, а никто не жалуется.... Знать, только для тебя одного у мен器 и водятся на выборъ дурные-то матеріалы? ха, ха, ха! помора! Вѣдь что выдумаетъ-то человѣкъ!

— А зачѣмъ прикащица-то моего подкупалъ?

— Какого прикащица я подкупалъ?

— А какжѣ: ты пришелъ двѣсти кусковъ миткалю мнѣ въ работу, а онъ, каналья, запишетъ сто семьдесятъ пять,—вотъ вы съ нимъ и дѣлились пополамъ

барышами-то. Я все это только еще недавно узналъ, и его, плута, сейчасъ же прогналъ.

— Полнѣко молоть околосицу-то! Я въ евтомъ дѣль хощь сейчасъ готовъ присягу принять.... Твой прикащица, можетъ, какъ обсчитался.... Не занимался ли онъ больно хмѣлемъ?... Ну, да что-жъ мы стоимъ? Пойдемъ—сидѣмъ, да и потолкуемъ объ дѣль-то.

— Изъ воды сухъ, изъ огня невредимъ выдѣть—вотъ такъ животное!

— Ахъ ты горячка! ахъ ты кипятокъ! Взбудоражился какъ молодое пиво, никакъ съ нимъ и не со-владаешь—лѣзеть себѣ черезъ края, да и все тутъ!... Ну что, надо ли денегъ-то?

— Надо.

— Такъ какъ дѣло-то?

— Не знаю, подружка. А такъ, какъ ты говоришь, въ ротъ не лѣзеть.

— Да тебѣ несообразно дорога цѣна за лошадей что ли кажется?

— Да, подружка, безсовѣстно несообразна цѣна!

— Ровно ты, дружище, не первый годъ занимаешься коммерціей, а обстоятельно не можешь обсудить евтаго дѣла. Слушай меня: я тебѣ даю пять тысячъ рублей деньгами и въ придачу къ нимъ четверть лошадей тоже въ пять тысячъ рублей,—ты мнѣ чѣмъ за евто заплатишь? въ какой срокъ? Какіе проценты положишь за время на капиталъ? Что мнѣ ты отвѣтишь на евто. Ну, говори!

— Буду работать на тебя ситецъ—заработка...

— А-а, заработкаешь! Ну, ладно. А въ продолженіе какого времени?

— Какъ придется: въ годъ, въ два....

— Какъ придется!... То-то оно и есть, что какъ придется.... Вотъ видишъ ли, значитъ, я пускаюсь на рискъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ многое можетъ случиться: могутъ разстроиться у тебя дѣла, можетъ сгорѣть фабрика, можешь ты самъ умереть, а наследники твои имѣніе твое все припрячутъ, капиталъ-то приберутъ къ рукамъ,—съ кого я буду требовать тогда свои деньги? на комъ я буду искать ихъ? Нѣтъ, ужъ тутъ, пожалуй, ищи да свищи, а толку ничего не будетъ. Да хоть и заработкаешь ты мнѣ евтотъ долгъ какъ слѣдуетъ, все толку-то немного для меня будетъ, только капитель одна, а тебѣ большая выгода; ты въ теченіе двухъ лѣтъ будешь почти даромъ пользоваться значительнымъ капиталомъ, а для коммерческаго человѣка евто не бездѣлица; ты будешь получать пользу отъ работы, фабрика у тебя постоянно будетъ въ ходу, кредитъ чрезъ евто будетъ легкій—только бери, рабочіе за тебя будутъ Бога молить, что ты даешь имъ кусокъ хлѣба, отъ людей тебѣ почетъ, однимъ словомъ—

вся выгода на твоей сторонѣ. Погоди, не перебивай.— Опять же—обрати-ка ты лошадей-то въ деньги: тебѣ всякой дастъ за нихъ, слова не говоря, три тысячи рублей серебромъ,—вотъ, стало быть, у тебя будетъ наличными восемь тысячъ рублей серебромъ—капиталъ! Теперь разсчитай: много ли процентовъ я возьму съ тебя въ годъ на все на восемь тысячъ рублей? Въ два года я беру двѣ тысячи, а въ одинъ годъ, значитъ, тысячу, стало быть, всего выходитъ $12\frac{1}{2}$ копеекъ на рубль въ годъ. Вотъ вѣдь что—пустякъ! А ты отъ меня попользуешься 20 копеекъ на рубль, значитъ, на чьей сторонѣ выгода-то? То-то вотъ, не разсудя дѣла, и не надо горячку-то пороть. У васъ, у евда-кихъ вѣтрогоновъ, все люди безчестны, а вы такъ честны—честный васъ и па свѣтѣ-то нѣтъ! Ну, теперь я все пояснилъ, и ты ужъ не можешь сказать, что я предложилъ тебѣ евту сдѣлку нечестно. Честный и простодушный меня не найти тебѣ человѣка...

— Заслушался я тебя, подружка: настоящій ты соловей курскій—хощь кого такъ утѣшишь!

— Полно лясы-то точить, ты обѣ дѣлъ-то толкуй.

— Уступи рублей тысяченку изъ цѣны за лошадей, ну сейчасъ и ударимъ по рукамъ.

— Значить, взить съ тебя 6% на рубль въ годъ, а ты съ меня 20% возьмешь? Спасибо, и натомъ благодарю.... Нашель дурака! Нѣтъ, ужъ пускай денежнки-то полежать, лучше, у меня въ сундуке, да и на лошадяхъ-то я самъ покатаюсь. А ты поищи—можеть, кто и даромъ дастъ....

— Нечего, видно, съ тобой дѣлать, подружка, давай руку.

— Быть по твоему!

— Давно бы такъ.

Пріягели подержались—и условіе ихъ этимъ было скрѣплено оконочательно.

— Документикъ, деньги и лошадей я уже вечеромъ пришлю тебѣ сказалъ добрый человѣкъ небольшому человѣчку и они растались задушевными пріятелями.

Николай Антоновичъ, по отѣздѣ гостя, только было хотѣлъ послать за своимъ неизмѣннымъ Кузьмой Павловичемъ, чтобы отдать ему нужные приказанія, по поводу сейчасъ совершенной сдѣлки, какъ горничная доложила ему, что его желаетъ видѣть вдова Кузьмы Петровича, того самаго благочестивца, который вручилъ добромъ человѣку извѣстныя деньги на постройку церкви и далъ еще на сохраненіе для своихъ сиротъ сорокъ тысячъ рублей серебромъ. При первомъ извѣстіи о приходѣ нечаянной гости, Николай Антоновичъ сурово нахмурился было и мгновенно закусилъ бороду, но вдругъ счастливая мысль освѣтила его обортливый умъ. «Честь лучше безчестья!» подумалъ онъ и рѣ-

шился на что-то. Лице его сейчасъ же приняло самое радушное и веселое выраженіе.

— Проводи ее въ гостинную и подай тура чаю, а я сейчасъ приду, сказаль онъ горничной.

— Ну, такъ и быть, разсуждалъ онъ самъ съ собой, по уходѣ послѣдней, кину ей сколько нибудь сотъ рублей—нельзя же!... Пусть скажетъ обо мнѣ хощь доброе слово: вотъ дескать честный человѣкъ—не воспользовался сиротскими деньгами? А то будетъ вездѣ судомойничать про меня да жаловаться всѣмъ и каждому. Нѣтъ, честь лучше безчестья. Хощь я и брошу почти даромъ небольшую часть денегъ, да зато людямъ ужъ не придется сказать про меня ничего дурнаго.... Впрочемъ, вотъ еще посмотрѣмъ—зачѣмъ она пришла....

Разсудивъ такъ благоразумно, добрый человѣкъ вошелъ въ гостинную и любезно раскланялся съ гостью.

— Что евто, матушка Прасковья Тихоновна, ты совсѣмъ забыла нась? ласково попенялъ онъ ей.

Не очень толковая Прасковья Тихоновна, ошеломленная этимъ сверхъестественнымъ радушіемъ такого страшнаго богача, каковъ есть Николай Антоновичъ Щетинъ, только во всеѣ глаза посмотрѣла на него, а ужъ больше—на гу-гу! Она хорошо знала, что бѣдный человѣкъ, по мѣстному обыкновенію, всегда долженъ быть униженъ и оскорблѣнъ богачемъ, терпѣть отъ него всевозможныя грубости и нападки, но никогда не видать не только ни малѣйшей ласки, а даже сноснаго обхожденія.... Ласка богача до такой степени удивила недалекую женщину, что она почувствовала отъ этого больше робости и смущенія, чѣмъ могла бы почувствовать отъ самого грубаго приема, а потому она нѣсколько минутъ никакъ не могла собраться съ мыслями и отвѣтить что нибудь на ласку *доброго человѣка* — пріятеля ея мужа. Только, когда послѣдній вторично попенялъ ей, что она совсѣмъ забыла его семейство, она кое-какъ собралась съ духомъ и робко произнесла:

— Намъ, не приходится, Миколай Антоничъ....

— Что не приходится?

— Безпокоить васъ....

— Нѣтъ?

— Наши мѣшканія къ вамъ.

— Почему?

— Какже: вы люди—первые богачи, а мы люди—маленькие....

— Полно-ко пустаки-то болтать-то, Прасковья Тихоновна, какъ тебѣ не стыдно! Мы всегда примемъ, тебя, какъ родную.... Ну, какъ вы съ сыномъ живете?

— Вѣстимо, самое послѣдне наше житѣе—сиротскное....

— Вы ужъ никакихъ дѣлъ не производите?

— Какія дѣла! все прожили....

— Гмъ, плохо. А покойный немало вамъ оставилъ.

— Оставилъ то всего много, да не умѣли владѣть.

— Ну, а сынъ-то твой чѣмъ занимается?

— Охъ.... про сына-то и говорить ужъ не хочется....

— А что?

— Совсѣмъ смотался, пить болѣно сталъ, меня бѣть.... Вѣстимо, человѣкъ молодой, поддержать было некому, а мое дѣло женское — мнѣ не совладать съ нимъ....

— Чѣмъ ты обѣ евтомъ раньше-то мнѣ не сказала?

— Все не смѣла, не знала какъ подступиться-то къ вамъ. Вотъ теперь не будетъ ли ваша милость — не возьмете ли вы его къ себѣ въ услуженіе?

— Да какое же я ему дѣло-то дамъ?

— Ужъ какое знаете, только хощь бы на хлѣбъ-то что нибудь добывала....

— Хорошо, я подумаю обѣ евтомъ.

— Будь благодѣтель, отецъ родной!

— Хорошо, хорошо, посмотрю.... Ты за евтимъ, что ли только ко мнѣ пришла?

— Нѣтъ, батюшка Николай Антонычъ.... вотъ что.... я пришла.... и Прасковья Тихоновна замѣялась.

— Что, матушка, зачѣмъ? говори-говори, не бойся.

— Чу у васъ дѣнеги наши есть.... покойничекъ-мужъ мой, царство ему небесное! вамъ далъ....

— Такъ точно, Прасковья Тихоновна, есть у меня дѣнеги ваши, есть. Какъ ты узнала обѣ евтомъ?

— У насъ женщина жила въ услуженіи.... да вотъ недавно умерла.... она при смерти-то все и рассказала....

— А она какъ узнала?

— Когда покойничекъ-сожитель мой, царство ему небесное! находился при послѣднемъ кончикѣ, выступу-пору у него были и съ нимъ о какихъ-то дѣлахъ все разговаривали. Бѣсъ-то, прости ей Господи, и смути евту женщину подслушать вашъ разговоръ. При жизни она ничего намъ не говорила, а какъ пришелъ смертный-то часикъ, вотъ ее тоска и взяла.... слыхала она, что подслушивать наказы приходялага въ послѣдніе часики жизни—великій грѣхъ.... все намъ и рассказала.... значитъ, чтобы очистить отъ грѣха свою душу....

Прасковья Тихоновна съ трудомъ перевела духъ: ей во всю свою прошлую жизнь немного разъ приходилось говорить за одинъ приемъ такую длинную рѣчь.

— Что же она вамъ все-то рассказала?

— А вотъ, батюшка, только евто, что покойничекъ сожитель мой, царство ему небесное! далъ вамъ дѣнеги и сказалъ: побереги дескатъ для мопхъ сиротъ....

— Евто такъ. А много-ли дѣнегъ-то онъ мнѣ даваль—слышала ли она?

— Нѣтъ, не разслышала доподлинно-то.... только, говоритъ, покойничекъ словно упомянулъ тысячу....

Николай Антоновичъ свободно вздохнулъ.

— Нѣтъ, не тысячу, сказалъ онъ, а больше: ты-сячу семьсотъ пятьдесятъ рублей ассигнаціями—вона

сколько! Мнѣ вашего не надо: я за миллионы не продамъ свою честность.

— Дай Господи прожить вамъ несчетные годы!... Гдѣ ужъ вамъ воспользоваться сиротской копейкой,— статочное ли евто дѣло?

— Только, Прасковья Тихоновна, я тебѣ скажу: покойный мужъ твой не велѣлъ мнѣ давать вамъ съ сыномъ всѣхъ вдругъ денегъ, — проживутъ дескатъ они, — а наказывалъ выдавать вамъ по частямъ. Вотъ я съ нынѣшняго же дня, если вы терпите нужду, и буду выдавать вамъ на содержаніе по триста пятидесяти рублей ассигнаціями въ годъ. Ладно ли такъ-то будетъ? Согласна ли ты на волю покойнаго?

— Согласна, Николай Антонычъ батюшка, согласна.... какъ не согласиться на евдакую великую милость?

— А то, пожалуй, я выдамъ хоть и всѣ вдругъ, мнѣ все равно, да вамъ-то хуже будетъ.

— Нѣтъ, родной мой, ужъ какъ сказалъ твоя милость, пускай такъ и будетъ.

Добрый человѣкъ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ, досталъ изъ желѣзного сундука большую пачку денегъ самыми мелкими билетами, отсчиталъ изъ нихъ сто рублей серебромъ и, возвратясь въ гостиную, отдалъ ихъ Прасковѣ Тихоновнѣ, которая, увидавъ у себя въ рукахъ такую кучу денегъ, чуть не обмерла отъ удовольствія. Николай Антоновичъ, замѣтивъ ея радостное изумленіе, смотрѣлъ на нее съ улыбкой: онъ нарочно и отсчиталъ ей эту маленькую сумму мелкими билетами, чтобы озадачить ее и чтобъ она вездѣ говорила, что сколько денегъ-то, денегъ-то онъ далъ ей.

Сыну некажи евтихъ денегъ, строго наказаль онъ Прасковѣ Тихоновнѣ, даже не говори ему о нихъ, а то онъ отниметъ ихъ у тебя и пропьетъ. Я тебѣ ихъ даю, а не ему.

— Не скажу, батюшка, не скажу.... языкъ мой отсохни—не скажу, завѣряла она, выходя изъ комнаты.

— Ну, прощай, Прасковья Тихоновна, сказала Николай Антоновичъ, притворивъ за ней двери.

Онъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ.

— Какихъ два дѣла я пынче обѣдалъ—ухъ батюшки! Попробуй-ка теперь сказать кто, что во мнѣ честности нѣтъ!

В. А. Рязанцевъ.

(До слѣдующаго номера).

БЫЛЪ

Тогда семьяниномъ онъ жилъ;
На ярмарку въ Нижній собрался,
Съ супругой своей распрощался
И весело въ путь покатилъ.
Мечтались ему барышни,
И ярмарки время живое,
И онъ хотѣлъ отъ души,
Что сбудеть суконце гнилое.
Онъ щахъ своимъ чередомъ,
Къ торговымъ продѣлкамъ готовый.

